

The cover features a repeating pattern of blue, stylized floral and bird-like motifs. A vertical line of barbed wire runs down the center, and horizontal lines of barbed wire cross it. The text is overlaid on this design.

АМЕРИКАНСКАЯ

ГРЯЗЬ

После первых страниц
не дочитать до конца
просто невозможно
СТИВЕН КИНГ

ДЖЕНИН | КАММИНС

Дженин Камминс
Американская грязь

Издательство «Синдбад»

2019

Камминс Д.

Американская грязь / Д. Камминс — Издательство «Синдбад»,
2019

ISBN 978-5-00131-252-9

Лидия Перес владеет небольшим книжным магазином в мексиканском городе Акапулько, где живет с мужем Себастьяном, журналистом, и восьмилетним сыном Лукой. После публикации в газете подготовленного Себастьяном материала, разоблачающего местный наркокартель, бандиты устраивают кровавую бойню, в которой убивают всех родных и близких Лидии – шестнадцать человек. В живых чудом остаются только она и Лука. Понимая, что на них объявлена охота, мать и сын бегут из Акапулько. Спасая свои жизни, они направляются на север, к границе с Соединенными Штатами. И вскоре понимают, что пережитый ими кошмар – это только начало: дорога к новой жизни потребует от них поистине нечеловеческих усилий. Книга содержит ненормативную лексику.

ISBN 978-5-00131-252-9

© Камминс Д., 2019
© Издательство «Синдбад», 2019

Содержание

1	6
2	9
3	16
4	21
5	30
6	36
7	41
8	49
9	55
10	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дженин Камминс Американская грязь

Jeanine Cummins
AMERICAN DIRT

Copyright © 2019 by Jeanine Cummins

Published in the Russian language by arrangement with *Sterling Lord Literistic* and *The Van Lear Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2020

Перевод с английского Маши Степановой

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2020.

* * *

Посвящается Джо

Era la sed y el hambre, y túfuiste la fruta.

Era el duelo y las ruinas, y túfuiste el milagro.

*Жажда была и голод, а ты, словно плод, манила,
битва была и гибель, а ты спасеньем была¹.*

Пабло Неруда. Песнь отчаяния

---

¹ Пер. П. Грушко.

1

Первая пуля влетела в открытое окно туалета, где стоял Лука. Поначалу он даже не понял, что случилось, и пуля только чудом не угодила ему промеж глаз. Издав едва слышный гул, она вонзилась в кафельную стену за его спиной. Затем выстрелы обрушились громким потоком, забарабанили стремительно, словно вертолетный винт. Где-то всколыхнулись крики, но голоса быстро потонули в шуме перестрелки. Лука собирался застегнуть ширинку, опустить крышку унитаза, взобраться на нее и посмотреть в окно, найти источник этого ужасного грохота, но не успел: дверь распахнулась, и на пороге возникла Мами.

– *Mijo, ven²*, – очень тихо произнесла она.

Вцепившись в Луку, она толкнула его в душ. Мальчик споткнулся о кафельную ступеньку и повалился на четвереньки. Когда на него рухнула Мами, от удара он нечаянно прикусил нижнюю губу. Почувствовал вкус крови во рту. Одна темная капля упала на ярко-зеленую плитку и разбилась в крошечный красный круг. Мами пихнула Луку в угол. У душа не было ни занавески, ни двери, это был просто угол в бабушкиной ванной, отгороженный кафельной стенкой, – пять с половиной футов в высоту, три фута в длину. Если повезет, этого хватит, чтобы спрятать Луку и его мать от вражеских глаз. Мальчик притиснулся спиной к кафелю, прижался плечиками к стене, подтянул к подбородку колени, и Мами накрыла его, словно черепашья панцирем.

Лука переживал, что дверь в ванную по-прежнему открыта, хоть и не видел ее из-за тела матери и стенки-баррикады. Мальчику хотелось извернуться и слегка толкнуть створку пальцем. Хотелось ее захлопнуть. Он не знал, что мать специально оставила ее открытой. Что закрытая дверь всегда привлекает внимание.

На улице громыхала перестрелка; вскоре к шуму прибавился резкий запах угля и горелого мяса. Папи готовил на гриле *carne asada³* и куриные ножки – любимое блюдо Луки. Ему нравилось, когда кожа самую малость подгорала и звонко хрустела во рту. Мами выгнула шею и заглянула ему в глаза. Потом попыталась закрыть его уши ладонями. Выстрелы постепенно стихали и раздавались лишь короткими очередями после недолгого затишья. Луке казалось, что теперь они повторяют сбивчивый, бешеный ритм его сердцебиения. Между взрывами грохота по-прежнему слышались звуки радио. Женский голос объявил радиостанцию – «Ла мехор 100.1 FM Акапулько», – а потом группа *Banda MS* запела о том, как здорово быть влюбленным. Вдруг кто-то выключил приемник, и раздался смех. Мужские голоса. Двое или трое мужчин, определить точно Лука не мог. Тяжелые шаги в бабушкином дворике.

– Видишь его? – раздался голос прямо под окном.

– Вижу.

– А ребенок?

– Смотри, вон тут какой-то пацан. Не тот?

Двоюродный брат Луки, Адриан. На нем в тот день были бутсы и спортивная футболка с надписью «Эрнандес». Адриан чеканил свой *balón de fútbol⁴* как настоящий футболист – на коленях мог набить сорок семь раз, не останавливаясь.

– Не знаю. По возрасту вроде подходит. Сфоткай его.

– Ого, да тут курица! – раздался еще один голос. – Блин, выглядит отлично. Кто будет?

Мами зажала голову Луки подбородком; в ее тугих объятьях он едва мог пошевелиться.

---

² Зд.: Скорей, сынок (*исп.*).

³ Жареное мясо (*исп.*).

⁴ Футбольный мяч (*исп.*).

– Эй ты, *pendejo*⁵, не трогай курицу. Проверь-ка лучше дом.

Сидевшая на корточках Мама резко покачнулась и еще сильнее вдавила Луку в стену. Она вжималась в него всем телом, и они оба слышали, как скрипнула и с грохотом распахнулась задняя дверь. Шаги на кухне. По полу перекатывались пустые гильзы. Мама повернула голову и заметила каплю крови, упавшую с губ Луки на кафельный пол; в лучах света, прорывавшихся через окно, она горела ярко-красным. Мальчик почувствовал, как у матери перехватило дыхание. Теперь в доме было тихо: полы в коридоре, прилегавшем к ванной, были застелены ковром. Лука с ужасом наблюдал за Мамой: та натянула край рукава на пальцы и отклонилась в сторону – туда, где на плитке предательски сверкала кровь. Кое-как смахнув пятно рукавом, она вновь прижалась к мальчику – как раз в тот момент, когда один из мужчин толкнул дверь прикладом своего калашникова.

Со двора доносились два голоса, а значит, всего мужчин было трое. Стоя по ту сторону невысокой кафельной стенки, третий расстегнул ширинку и помочился в унитаз. Лука не дышал. Мама не дышала. Они сидели зажмурившись, совершенно неподвижно, и казалось, даже адреналин замер под действием их оцепеневшего отчаяния. Мужчина икнул, спустил воду, вымыл руки и вытер их о мягкое желтое полотенце, которое *abuela*⁶ берегла для гостей.

Потом он вышел, но Лука и Мама не шевельнулись. Они оставались неподвижными даже после того, как на кухне снова скрипнула и хлопнула дверь. Они сидели на полу, переплетаясь в тугий узел рук и ног, коленей и подбородков, стиснутых век и сжатых пальцев, даже после того, как мужчина с автоматом вернулся к своим напарникам и объявил, что в доме все чисто и теперь он будет есть курицу – потому что нельзя просто так бросать хорошую еду, ведь в Африке голодают дети. Мужчина стоял под окнами, и Лука слышал, как тот громко причмокивает языком, обсасывая куриные ножки. Мальчик следил за своим дыханием: вдох-выдох, абсолютно бесшумно. Он пытался убедить себя в том, что это просто сон, очень страшный, но часто повторяющийся сон. Он всегда просыпается – в холодном поту, с приятным чувством облегчения. *Это просто сон*. Таковы детские страшилки в современных мексиканских городах. Ведь даже если родители не говорят при детях о насилии, переключают радиостанцию, когда в новостях сообщают об очередной перестрелке, если они скрывают свои самые кошмарные страхи, они не могут помешать детям общаться с другими детьми. На детской площадке, на футбольном поле, в школьном туалете скапливаются и набухают подробностями жуткие истории. Каждый ребенок, – будь он из богатой семьи, или бедной, или среднего достатка, – видел на улице труп хотя бы однажды. Повседневность убийства. И от других детей они знают, что существует иерархия опасности и что некоторые семьи более беззащитны, чем другие. И хоть родители Луки никогда ни словом не упоминали о какой-либо угрозе и в присутствии сына вели себя с безупречной храбростью, мальчик знал, точно знал, что этот день настанет. Не то чтобы это знание хоть как-то смягчило удар. Прошло еще немало времени, прежде чем мать наконец убрала цепкую руку с его затылка и отстранилась настолько, что он смог заметить: лучи солнца, струящиеся через окно, теперь ложатся совсем под другим углом.

Когда кошмар отступил, но твердой уверенности еще не было, промелькнуло мгновение абсолютного блаженства. Наконец-то высвободившись, Лука испытал краткий прилив восторга – просто от того, что он жив. Сперва он наслаждался сбивчивым движением воздуха у себя в груди. Потом положил ладони на пол, чтобы почувствовать кожей холодок кафельных плит. С тяжелым вздохом Мама откинулась к стене и подвигала челюстью, отчего на левой щеке у нее обозначилась ямочка. Так странно было видеть здесь, в ванной, ее парадные туфли, которые она обычно надевала в церковь. Лука дотронулся до ранки на губе. Кровь уже успела подсох-

---

⁵ Придурок (*исп.*).

⁶ Бабушка (*исп.*).

нуть, но мальчик прикусил ранку передними зубами, и та снова раскрылась. Он понял, что, будь это сон, он не почувствовал бы вкуса крови.

Наконец Мами поднялась на ноги и шепотом велела ему оставаться на месте.

– Сиди тут и не шевелись, пока я за тобой не вернусь. И ни звука, понял?

Лука схватил ее за руку:

– Мами, не уходи!

– *Mijo*, я сейчас вернусь, хорошо? Посиди здесь. – Мами расцепила его пальцы, а потом повторила: – Не шевелись. Молодец.

Вскоре Лука понял, что соблюдать мамины указания не так уж трудно, и не потому, что он такой послушный, а потому, что ему не хочется смотреть. Вся его семья осталась там, в бабушкином дворике. В тот день, седьмого апреля, в субботу, его двоюродная сестра Йенифер праздновала *quinceañera*, свой пятнадцатый день рождения. На ней было длинное белое платье. Там были ее родители, дядя Алекс и тетя Йеми, и младший брат Адриан. Ему уже исполнилось девять, поэтому он всем говорил, что на год старше Луки, хотя разница между ними была всего четыре месяца.

Перед тем как Лука пошел в туалет, он гонял во дворе мяч вместе с Адрианом и другими двоюродными братьями. Матери сидели за столом на террасе; перед ними на салфетках стояли запотевшие стаканы с коктейлем «Палома». В прошлый раз, когда вся семья собиралась в доме бабушки, Йенифер случайно увидела Луку, когда тот справлял нужду, и теперь ему было так стыдно, что он заставил Мами пойти с ним и караулить под дверью.

Abuela эту идею не одобрила. Она сказала, что Мами слишком нянчится с сыном, что в таком возрасте мальчики могут ходить в туалет самостоятельно. Но Лука был единственным ребенком в семье, поэтому ему многое сходило с рук.

В любом случае теперь Лука сидел в ванной совсем один и пытался отогнать навязчивую мысль: именно эти слова, сказанные с неприкрытым раздражением, стали последними – больше *abuela* и Мами ничего друг другу не скажут. Он помнил, как подбежал к столу и зашептал Мами на ухо; увидев это, *abuela* покачала головой, неодобрительно погрозила им пальцем и сделала замечание. Всякий раз, когда она кого-нибудь ругала, она как-то по-особенному улыбалась. Но Мами всегда принимала сторону Луки. Вот и тогда она закатила глаза и, несмотря на протесты бабушки, отодвинула стул и поднялась. Все это случилось... когда же? Десять минут назад? Или часа два? Временные границы, прежде незыблемые, словно перестали существовать.

За окном послышалась робкая поступь матери; под ее туфлями хрустели какие-то обломки. Она охнула, возможно, всхлипнула, только слишком шумно. Затем звуки участились: Мами решительно пересекла дворик и стала давить на кнопки мобильного телефона. Раздался высокий, сдавленный рык – таким голос матери Лука никогда прежде не слышал.

– Нужна помощь.

2

Когда Мама вернулась, чтобы увести Луку из душа, тот сидел, сжавшись в тугий комок, и легонько раскачивался из стороны в сторону. Она велела ему встать, но мальчик завертел головой и лишь сильнее обхватил себя руками, в ужасе сопротивляясь. Пока он сидел тут, пряча лицо в темных изгибах локтей, пока он не смотрел на Мами, он мог не знать того, что уже знал. Мог продлить это мгновение нелепой надежды – на то, что хоть какому-то лоскутку прежнего мира удалось уцелеть.

Может, правильнее было бы пойти и посмотреть, увидеть яркие цветные сполохи на белом платье Йенифер, застывший взгляд Адриана, устремленный в небо, копну седых волос бабушки, пропитанных веществом, которому положено аккуратно храниться в плотной коробке черепа. Может, Луке пошло бы на пользу увидеть еще теплые останки отца, металлическую лопатку, погнувшуюся под тяжестью его тела, кровь, растекавшуюся по бетонному покрытию двора. Все равно картины, которые потом нарисует его разгоряченное воображение, окажутся не в пример страшнее реальности, даже самой жуткой.

Когда Лука наконец встал, Мами повела его на улицу через парадную дверь. Трудно сказать, насколько это была хорошая идея. Что бы они предпочли, если бы *sicarios*⁷ вдруг надумали вернуться, – стоять на улице у всех на виду или прятаться внутри дома, даже не подозревая об их возвращении? Неразрешимый вопрос. Лука с матерью прошли через ухоженный палисадник и открыли калитку. Усевшись на желтый бордюр, они вытянули ноги на проезжую часть. Противоположная сторона дороги пряталась в тени, но здесь припекало солнце – мальчик чувствовал жар головой. Спустя несколько коротких минут вдалеке завывли сирены. Мами, которую звали Лидия, заметила, что у нее стучат зубы. Ей не было холодно. Подмышки у нее намокли, руки покрылись гусиной кожей. Лука подался вперед, и его вырвало. На асфальт между его ног шлепнулся комок картофельного салата, слегка подкрашенный розовым фруктовым пуншем. Они с матерью не стали отсаживаться. Они словно бы вообще ничего не заметили. Не замечали они и того, как задергиваются шторы и занавески в окнах соседних домов: соседи готовились отрицать, что видели хоть что-нибудь.

Лука замечал лишь стены, тянущиеся вдоль улицы, где жила его *abuela*. Он, конечно, видел их и прежде, много-много раз, но теперь обратил внимание на одну особенность: перед каждым домом располагался такой же палисадник, как у бабушки; и каждый двор был спрятан за стеной – такой же, как у бабушки; сверху по каждой стене бежала колючая лента или проволока – такие же, как у бабушки; а попасть внутрь можно было только через запертую калитку – как и у бабушки. Акапулько – опасный город. Жители тут всегда осторожничают, даже в таких приличных районах, как этот. Особенно в таких приличных районах. Но на что годятся все эти меры, когда приходят такие мужчины? Лука положил голову на плечо матери, и та обвила его одной рукой. Она не спрашивала сына, как он себя чувствует. Отныне и впредь этот вопрос будет встречать лишь непонимание и боль. Лидия изо всех сил пыталась не думать обо всех словах, которые никогда не произнесут ее губы, о чудовищной пустоте на месте слов, которые она никогда не скажет.

По прибытии полиция перегородила желтой лентой с надписью *escena del crimen* улицу с обоих концов – чтобы перенаправить движение и освободить место для зловещей вереницы специального транспорта. Появилось множество полицейских, проходивших мимо Луки и Лидии с выражением наигранного почтения. Когда рядом возник старший следователь и начал задавать вопросы, Лидия на мгновение замялась, пытаясь сообразить, куда отправить сына. Он слишком мал, чтобы слушать все, что ей нужно сказать. Требовалось передать его

⁷ Наемные убийцы (исп.).

на чье-то попечение на несколько минут, чтобы она могла ответить честно на самые ужасные вопросы. Хорошо бы отослать его к отцу. К бабушке. К тете Йеми. Но все они лежали мертвые на заднем дворе – так близко друг к другу, словно фишки домино. Да и вообще – все бессмысленно. Полиция не будет никому помогать. Лидия заплакала. Тогда Лука поднялся с земли и положил холодную руку на затылок матери.

– Дайте ей минутку, – сказал мальчик совсем как взрослый.

Вскоре следователь вернулся вместе с женщиной-судмедэкспертом, которая сразу обратилась к Луке. Приобняв его за плечо, она предложила ему посидеть в фургоне. Сбоку виднелась надпись: *SEMEFEO*⁸; задние двери были распахнуты настежь. Мами кивнула, и Лука отправился вместе с женщиной к ее машине. Усевшись, он свесил ноги над задним бампером. Судмедэксперт предложила ему запотевшую банку газировки.

Мозг Лидии, до того временно приостановивший работу, теперь справился с потрясением и снова начал соображать – но ворочался медленно, словно ил на дне реки. Она по-прежнему сидела на тротуаре. Следователь стоял рядом, загородив собой машину, в которой сидел ее сын.

– Вы видели стрелявшего? – спросил мужчина.

– Стрелявших, множественное число. Думаю, их было трое.

Хорошо бы следователь чуть отошел в сторону, чтобы ей было видно Луку. Тот находился всего шагах в десяти от нее.

– Вы их видели?

– Нет, но мы их слышали. Мы прятались в душевой. Один из них пришел и помочился в наш туалет, пока мы были рядом. На крапе должны быть отпечатки его пальцев. Он мыл там руки. Представляете? – Лидия громко хлопнула в ладоши, словно пытаясь отогнать это воспоминание. – Мы слышали еще как минимум два голоса снаружи.

– Они сказали или сделали что-либо, что могло бы помочь нам установить их личности?

Лидия покачала головой:

– Один ел нашу курицу.

Следователь записал в блокнот слово *pollo*⁹.

– А другой спросил: «Видишь его?» – продолжила Лидия.

– Конкретная цель? Они сказали, о ком речь? Назвали его по имени?

– Им не нужно было его называть, я и так знаю. Это мой муж.

Следователь оторвался от своего блокнота и в ожидании посмотрел на Лидию:

– А ваш муж?..

– Себастьян Перес Дельгадо.

– Репортер?

Лидия кивнула, и следователь громко присвистнул сквозь зубы.

– Он там?

Она снова кивнула:

– На террасе. С лопаткой. Со знаком.

– Сожалею, сеньора. Я так понимаю, вашему мужу часто угрожали?

– Да, но в последнее время было тихо.

– И в чем конкретно заключались эти угрозы?

– Они требовали, чтобы он прекратил писать про картели.

– Или?..

– Или они убьют всю его семью, – глухо отозвалась Лидия.

---

⁸ *Servicio Médico Forense, судебно-медицинская служба (исп.).*

⁹ *Курица (исп.).*

Следователь глубоко вздохнул и посмотрел на женщину с выражением, походившим на сочувствие.

– Когда ему угрожали в последний раз? – спросил он.

Лидия снова покачала головой:

– Не знаю. Давно. Этого не должно было случиться. Не должно было случиться.

Мужчина замолчал, сжав губы в тонкую линию.

– Они меня убьют, – выдохнула Лидия и, только когда прозвучали эти слова, осознала, что так, скорее всего, и будет.

Следователь не пытался ей возражать. В отличие от многих своих коллег – он точно не знал, кого именно, да это и неважно – он не работал на картели. Он никому не доверял. На месте преступления сейчас трудились около двадцати пяти полицейских и медработников – отмечали места, где упали гильзы, изучали следы, анализировали пятна крови, фотографировали, проверяли пульс, составляли схемы расположения тел, – и семеро из них регулярно получали деньги от местного картеля. Сумма незаконных платежей в три раза превышала государственную зарплату. И кстати, кто-то уже написал главарю – *хефе* – сообщение о том, что Лидия и Лука выжили. Остальные не делали ничего, потому что именно за это им и платили: за то, чтобы они носили форму и создавали иллюзию охраны порядка. Кого-то из них мучили угрызения совести, других – нет. Но ни у кого не было выбора, поэтому их чувства по большому счету не имели никакого значения. Количество нераскрытых преступлений в Мексике было гораздо выше девяноста процентов. Костюмированное представление под названием *la policia* создавало необходимое людям обманчивое впечатление, скрывая абсолютную неприкосновенность картелей. Лидия это знала. Все это знали. Она решила, что пока главное – поскорее отсюда убраться. Поднявшись с тротуара, она поразилась, что ее еще держат ноги. Следователь отступил в сторону, чтобы освободить ей место.

– Когда он узнает, что я выжила, они вернуться.

На Лидию обрушилось недавнее воспоминание: один из голосов во дворе спрашивает: «А ребенок?» Суставы у нее стали текучими, словно вода.

– Он убьет моего сына.

– Он? – переспросил следователь. – А вы точно знаете, кто это сделал?

– Да вы что, смеетесь?

Только один человек в Акапулько был способен организовать кровавую бойню такого масштаба, и все знали, как его зовут. Хавьер Креспо Фуэнтес. Ее друг. Зачем ей произносить это имя вслух? Следователь либо прикидывался, либо хотел ее проверить. Теперь он снова стал писать в блокноте. «Ла-Лечуса?» Потом: «Лос-Хардинерос?» Затем показал записи Лидии.

– Я не могу сейчас этим заниматься, – отрезала женщина и, оттолкнув следователя, зашагала прочь.

– Пожалуйста, еще несколько вопросов.

– Нет. Больше никаких вопросов. Никаких.

На заднем дворе лежали шестнадцать мертвых тел – почти все близкие Лидии. И все же пока она только заглядывала в пропасть, еще не осознав случившееся. Она понимала, что таковы факты, потому что слышала, как эти люди умирали, видела их бездыханные тела. Она касалась еще теплой ладони матери, искала и не нашла пульс в запястье мужа. Но разум Лидии по-прежнему пытался перемотать случившееся назад, отменить его. Потому что этого не могло быть. Это было слишком чудовищно. Лидия ждала, что ее вот-вот охватит паника, но паники не было.

– Лука, пойдем.

Она протянула руку, и мальчик выпрыгнул из фургона судмедэксперта и пошел навстречу матери. На заднем бампере осталась нетронутая банка газировки. Лидия схватила сына за руку, и вместе они направились в конец улицы – туда, где Себастьян припарковал их машину. Сле-

дователь пошел за ними, по-прежнему пытаясь задавать ей вопросы. Он никак не мог смириться с тем, что разговор окончен. Хотя что тут непонятного? Вдруг Лидия остановилась – настолько резко, что следователь едва не врезался ей в спину. Чтобы избежать столкновения, ему пришлось впитаться мысками в землю. Она крутанулась на пол-оборота.

– Мне нужны ключи, – сказала Лидия.

– Какие ключи?

– Ключи моего мужа. От машины.

Следователь снова о чем-то заговорил, но Лидия вновь оттолкнула его в сторону и направилась обратно к дому, волоча за собой Луку. Толкнув калитку, Лидия велела сыну ждать в палисаднике, но потом решила, что лучше взять его с собой в дом. Она усадила Луку на золотистый вельветовый диван в гостиной и наказала не двигаться.

– Пожалуйста, побудьте с ним, хорошо?

Следователь молча кивнул.

Дойдя до задней двери, Лидия на мгновение замялась, но потом расправила плечи, потянула за ручку и решительно шагнула за порог. В тенистой прохладе дворика витали сладкие запахи лайма и соуса для барбекю. Вдохнув, Лидия поняла, что больше никогда не будет есть жареное мясо. Некоторых членов ее семьи уже накрыли простынями; повсюду торчали маленькие желтые таблички с черными буквами и номерами – с их помощью полицейские отмечали расположение улик, которые никогда не будут использованы против обвиняемых. Самое страшное – эти самые таблички. Если есть таблички, значит, все по-настоящему. Впервые в жизни Лидия ощутила в своей груди тяжесть легких, сырых и рыхлых. Она подошла ближе к Себастьяну. Тот лежал все в той же позе, неловко подогнув под себя руку; из-под его бедра торчала погнутая металлическая лопатка. Его распластанная фигура напомнила Лидии о том, как выглядело его тело, когда он в шутку боролся с Лукой в гостиной после ужина. Они визжали. Рычали. Сшибали на своем пути мебель. А Лидия набирала мыльную воду в кухонной раковине и неодобрительно закатывала глаза. Но теперь жизнь улетучилась. Под кожей Себастьяна стучала тишина. Лидии хотелось поговорить с ним прежде, чем поблекнет цвет. Хотелось рассказать обо всем, что случилось, – торопливо, безутешно. Какая-то маниакальная часть ее сознания верила, что, если рассказать все как следует, получится уговорить мужа не умирать. Получится убедить его в том, что он нужен ей и еще сильнее нужен Луке. Ее горло сжалось, словно охваченное параличом.

Кто-то уже убрал картонную табличку, которую преступники оставили на груди Себастьяна, придавив обыкновенным камнем. На ней зеленым маркером было написано: «*Toda mi familia está muerta por mi culpa*»¹⁰.

Лидия присела на корточки в ногах мужа, но не стала к нему прикасаться – не хотела почувствовать, как под пальцами остывает его мертвенно-бледная кожа. Доказательство. Она ухватила за мысок его ботинка и закрыла глаза. Себастьян остался цел, и за это Лидия была благодарна. Она знала, что картонную табличку могли бы приколоть к его груди лезвием мачете. И понимала, что относительную опрятность его убийства можно считать извращенным проявлением милосердия. Лидии доводилось видеть кошмарные картины: тела, которые уже не были телами, расчлененные, *mutilados*. Когда картель решает совершить убийство, он делает это для острастки живых – чтобы в театральной, гротескной манере показать, на что он способен. Как-то утром, когда Лидия шла на работу в магазин, ниже по улице она увидела знакомого мальчика. Тот стоял на коленях, пытаясь отпереть решетку отцовской обувной лавки ключом, висящим на шнурке у него на шее. Мальчику было шестнадцать лет. Когда рядом остановилась машина, он не сумел убежать, потому что ключ застрял в замочной скважине. *Sicarios* подняли решетку и вздернули парня за шею на его собственном шнурке, а потом избили до бесчувствия.

---

¹⁰ Из-за меня погибла вся моя семья (*исп.*).

В то утро Лидия поспешила спрятаться в магазине и заперла за собой дверь, поэтому не видела, как убийцы стянули с мальчика штаны и разукрасили его тело. Но позже до нее дошли слухи. Как и до всех остальных. И все владельцы магазинов в том районе знали, что отец мальчика отказался платить картелю дань.

Да, Лидия действительно была благодарна за то, что шестнадцать самых дорогих ей людей погибли под быстрыми, точными выстрелами. Полицейские старались не встречаться с ней глазами – она была благодарна и за это тоже. Фотограф-криминалист положил камеру на праздничный стол, рядом с бокалом Лидии, на краях которого по-прежнему виднелся след от ее матовой помады. Кубики льда внутри бокала уже растаяли, а на салфетке у его основания все еще виднелось влажное пятно. Невероятно, думала Лидия: для того чтобы полностью разрушить чью-то жизнь, требуется меньше времени, чем для испарения в атмосферу крошечного кольца воды. Вдруг она заметила, что во дворе воцарилось почтительное молчание. Тогда Лидия, не вставая, начала подбираться к груди мужа. Она ползла по каменным плитам на четвереньках и вдруг остановилась, обратив внимание на вытянутую руку Себастьяна – на бугорки костяшек и полулуния ногтевых пластин. Его пальцы не шевелились. На одном из них тяжело обручальное кольцо. Глаза были закрыты. В приступе абсурдного любопытства Лидия задумалась: может, Себастьян сделал это нарочно, чтобы в последний раз проявить нежность? Может, он закрыл глаза для того, чтобы ей не пришлось потом увидеть в них пустоту? Лидия резко зажала рукой рот, побоявшись, что оттуда вывалится жизненно важная часть ее естества. Сглотнув это чувство, она вложила руку в безразличную ладонь мужа и позволила себе легонько прильнуть к его груди. Он был уже холодный. Совсем холодный. От него осталась лишь любимая, такая любимая фигура. Бездыханная.

Лидия провела рукой по его челюсти и подбородку. Сжав губы, положила ладонь на его прохладный лоб. Когда она впервые увидела своего будущего мужа, он сидел за столом в библиотеке Мехико, с ручкой в руке, уткнувшись в блокнот на пружине. Изгиб его плеч, полнота его губ. На нем была фиолетовая футболка с изображением какой-то группы. Теперь Лидия понимала, что ее завораживала не его внешность, а его манера наполнять свое тело жизнью. Она шептала над ним молитвы, а каменные плитки впивались в ее колени. Время от времени из нее спазмами вырывался плач. Под покореженной лопаткой темнела лужица запекшейся крови, а на кромке виднелись разводы от сырого мяса. Сглотнув комок тошноты, Лидия засунула руку в карман мужа и достала ключи. Сколько раз на протяжении их совместной жизни она лазила в его карман? *Не думай об этом, не думай об этом, не думай.* Снять обручальное кольцо оказалось не так-то просто. Ободок цеплялся за кожу на его костяшках, поэтому Лидии пришлось одной рукой распрямить его палец, а другой выкручивать кольцо на себя. Наконец она сняла кольцо, то самое, которое надела на его палец в Катедраль де Нуэстра Сеньора де Соледад больше десяти лет назад. Лидия просунула в кольцо свой большой палец, уперлась обеими руками в грудную клетку Себастьяна, поднялась на ноги и бросилась прочь, боясь, что кто-нибудь попытается отобрать у нее мужнины вещи. Ей почти хотелось, чтобы кто-то подошел и сказал, что она не имеет права трогать улики, или какую-нибудь подобную ерунду. Пусть на мгновение, но она бы испытала невероятное удовлетворение, если бы смогла выплеснуть на кого-то весь свой гнев. Но никто не осмелился к ней приблизиться.

Лидия остановилась и поникла плечами. Ее мать. Лидия направилась к ее телу, покрытому черным куском пластика, но полицейский неожиданно преградил ей дорогу.

– Сеньора, прошу вас, – сказал он.

В бешенстве Лидия вытаращила на него глаза:

– Мне нужно попрощаться с матерью.

В ответ полицейский лишь легонько мотнул головой.

– Поверьте мне, – мягко проговорил он, – это не ваша мать.

Стоя неподвижно, Лидия моргнула, сжимая в руке ключи от машины мужа. Полицейский прав. Конечно, она могла бы и дальше стоять посреди этой кровавой сцены, но зачем? Здесь никого больше нет. Вовсе не такими хотела их запомнить Лидия. Поэтому она развернулась и, оставив позади шестнадцать лежащих фигур, шумно ступая зашла через заднюю дверь обратно на кухню. Полицейские во дворе продолжили заниматься своими делами.

Лидия открыла шкаф в комнате матери и достала оттуда один-единственный предмет – маленький красный саквояж. Расстегнув молнию, она обнаружила внутри целую гору сумочек поменьше. Вывалив их все на кровать, Лидия занялась тумбочкой: достав оттуда четки и крошечный молитвенник, закинула их в саквояж вместе с ключами Себастьяна. Затем опустилась на колени и просунула руку под матрас. Пошарив ладонью из стороны в сторону, нащупала бумажный сверток. Внутри оказалось почти пятнадцать тысяч песо – их Лидия тоже взяла с собой. Побросав маленькие сумочки обратно в шкаф, она отнесла саквояж в ванную, раскрыла шкафчик и сгребла оттуда все, что попало под руку: расческу, зубную щетку, пасту, увлажняющий крем, бальзам для губ и шипчики. Все это тоже отправилось в саквояж. Лидия действовала на автомате, совершенно не думая о том, какая вещь пригодится, а какая нет. Она собиралась просто потому, что не знала, что еще делать. У них с матерью был одинаковый размер ноги – повезло. В шкафу нашлась только одна пара удобной обуви – золотистые стеганные кроссовки на молнии, в которых *abuela* обычно работала в саду. Потом Лидия совершила набег на кухню и украдкой сунула в саквояж пачку печенья, банку арахиса и два пакета чипсов. На кухонной двери на крючке висела сумочка бабушки, а рядом – фартук и ее любимый свитер цвета морской волны. Сняв сумочку, Лидия заглянула внутрь. Ей показалось, будто она смотрит матери в рот. Слишком личное. Тогда женщина сложила мягкую сумочку из коричневой кожи вдвое, затолкала во внутренний карман саквояжа и застегнула молнию.

Когда она вернулась в гостиную, следователь сидел на диване рядом с Лукой, но никаких вопросов задавать не стал. Его ручка и блокнот покоились рядом, на журнальном столике.

– Нам нужно идти, – сказала Лидия.

Лука вскочил с места, не дожидаясь разрешения. За ним поднялся и следователь.

– Сеньора, должен вас предупредить: возвращаться домой вам сейчас не стоит. Там небезопасно. Если вы подождете здесь, возможно, кто-то из моих людей вас подвезет. Мы могли бы подыскать для вас с сыном надежное укрытие.

В ответ Лидия улыбнулась и на мгновение опешила – оказывается, ее лицо еще может принимать такие выражения. Короткий смешок.

– Наши шансы куда выше без вашей помощи.

Следователь нахмурился, но все же кивнул.

– У вас есть надежное укрытие? – спросил он.

– Пожалуйста, не пытайтесь заботиться о нашем благополучии. Займитесь лучше правосудием. Беспокойтесь об этом.

Она понимала, что слова вылетают у нее изо рта, словно крошечные, неядовитые дроттики – такие же злобные, как и бессмысленные. Однако сдерживать себя женщина не хотела.

Насупившись, следователь убрал руки в карманы и посмотрел в пол.

– Я соболезнаю вашей утрате. Искренне соболезнаю. Я понимаю, как все это выглядит со стороны, все эти нераскрытые убийства. Но в полиции еще остались люди, которым не все равно. Люди, которых ужасает это бесконечное насилие. Знайте: я сделаю все, что в моих силах. – Как и Лидия, следователь понимал всю тщетность этих слов, но все равно не мог их не сказать. Пошарив в нагрудном кармане, он достал визитку с номером телефона. – Когда немного придете в себя, нам понадобятся официальные показания. Если требуется, можно повременить несколько дней.

Он протянул визитку Лидии, но та даже не пошевелилась. Тогда ее схватил Лука – извернулся и просунул руку между телом матери и красным саквояжем, висевшим на ремне у нее на плече.

На этот раз следователь за ними не пошел. Тени женщины и мальчика скользили по тротуару, похожие на зверя странных очертаний. Приблизившись к машине, заметному ярко-оранжевому «фольксвагену-жуку» 1974 года, Лидия заметила кусочек бумаги под дворником на лобовом стекле. Он был настолько крошечным, что даже не трепыхался под порывами горячего ветра, продувавшего улицу.

– *Carajo!*¹¹ – выругалась женщина и машинально спрятала Луку за спину.

– Что такое, Мами?

– Стой здесь. Нет, лучше подожди меня там. – Лидия махнула рукой туда, откуда они пришли.

Лука не стал возражать и засеменил прочь. Когда он отошел примерно на десять шагов, его мать бросила красный саквояж на тротуар, отступила от машины и посмотрела по сторонам. Ее сердце, отяжелевшее в груди, не застучало быстрее.

На лобовом стекле пестрело разрешение на парковку; задний бампер слегка разъело ржавчиной. Лидия вышла на проезжую часть, склонилась ближе и попыталась прочитать содержимое бумажки, не дотрагиваясь до нее. В другом конце улицы, за желтой лентой стоял фургон новостного агентства, но репортеры занимались своими делами и, похоже, не успели заметить женщину с мальчиком. Тогда Лидия развернулась и вытащила бумажку из-под дворника. Одно-единственное слово, написанное зеленым маркером: «Бойся!» Резкий вздох пронзил ее тело насквозь, словно нож. Лидия взглянула на Луку и, скомкав бумажку, затолкала ее в карман.

Им нужно исчезнуть. Уехать из Акапулько далеко-далеко – так далеко, чтобы Хавьер Креспо Фуэнтес никогда не смог их найти. Но брать машину им было нельзя.

---

¹¹ Зд.: Идиотка! (исп.)

3

Лидия дважды обошла машину: взгляделась в окна, проверила шины и бензобак, наклонившись, осмотрела ходовую часть, стараясь при этом ничего не трогать. Все вроде бы выглядело как обычно – правда, Лидия никогда не обращала особого внимания на такие вещи. Она поднялась и скрестила руки на груди. Садиться за руль слишком опасно, но открыть салон все-таки придется, чтобы забрать оттуда вещи. Нужда подгоняла ее, но сознание заиклилось на текущем моменте, в голове неотступно вертелись слова «сувениры на память».

Прильнув к окну, женщина заметила под пассажирским сиденьем рюкзак Себастьяна; на приборной панели блестели ее собственные темные очки; сзади валялась сине-желтая толстовка Луки. Возвращаться домой, туда, где они жили втроем, слишком опасно. Однако нужно как можно скорее увезти отсюда Луку. Лидия задумалась: если в салоне бомба, то, может, будет правильнее взять Луку с собой, позвать его сюда, прежде чем открыть дверь; через мгновение материнский инстинкт отогнал эту жуткую мысль прочь.

Лидия подошла к машине со стороны водителя; свободной рукой она пыталась унять дрожь в той, что держала ключ. Когда она взглянула на Луку, тот одобрительно показал ей большой палец. «Никакой бомбы там нет, – повторяла про себя женщина. – После такой стрельбы бомба – это уже перебор». Она вставила ключ в замочную скважину. Глубоко вдохнула. И еще раз. Наконец повернула ключ. Раздался глухой щелчок – механизм сработал, и от этого звука Лидия едва не потеряла сознание. Но затем последовала тишина. Ни тиканья, ни гудков, никакого смертельного выхлопа. Она закрыла глаза, потом снова взглянула на Луку и тоже показала ему большой палец. Отворив скрипучую дверь, Лидия оглядела салон. Что же ей взять? На миг она замерла, словно парализованная. «Этого не может быть», – подумалось ей. Казалось, будто ее мозг скукожился и иссох. Она помнила, как после смерти ее собственного *papi* мать много недель бесцельно бродила кругами по кухне – от мойки до холодильника и обратно. Она клала руку на кран и так и оставалась стоять, забыв его повернуть. Но Лидия не могла застрять в такой временной петле; им грозила опасность. Нужно было уходить.

Вот рюкзак Себастьяна. Она должна его поднять. Должна сосредоточиться на самых неотложных делах. Потом она найдет время, чтобы поразмыслить о том, как нечто подобное могло случиться, почему оно случилось. Лидия растегнула молнию на рюкзаке мужа, достала хлопающий термос, очки, офисные ключи, наушники, три блокнота, несколько дешевых ручек, диктофон и журналистское удостоверение; все это она сложила на пассажирское сиденье. Планшет с зарядкой Лидия решила взять с собой; полностью выключила его и положила на дно теперь уже пустого рюкзака. Она не очень понимала, как работает *GPS* в таких устройствах, но опасалась, что их можно будет отследить. Затем Лидия взяла с приборной панели свои темные очки и нацепила их на нос, едва не выколов себе дужкой глаз. Потом, отодвинув переднее сиденье, осмотрела заднюю часть салона. На полу лежали парадные ботинки Луки – он сам оставил их там, когда после церкви переобувался в кроссовки, чтобы погонять мяч с Адрианом. «О боже мой, Адриан», – подумала Лидия, и в ту же секунду ощутила, как незримая расщелина в груди стала шире, словно кто-то ударил ее топором. Она крепко зажмурила глаза и заставила себя дышать. Подняла с пола ботинки сына, убрала их в рюкзак. На заднем сиденье также обнаружилась красная бейсболка Себастьяна с надписью *New York Yankees*. Лидия ухватила бейсболку за козырек и, высунувшись из машины, вручила сыну, который тотчас надел ее. В багажнике обнаружился коричневый кардиган, который муж надевал по особым случаям; его Лидия тоже сунула в рюкзак. Еще там лежал бейсбольный мяч (его Лидия решила не трогать) и грязная футболка, которую она взяла с собой. Захлопнув крышку багажника, она вернулась к водительскому сиденью, чтобы забрать один из блокнотов мужа, не позволяя себе осознать, зачем она это делает: чтобы сохранить на память посмертное свидетельство его

почерка. Выбрав один блокнот наугад, Лидия кинула его в рюкзак, после чего наконец вылезла из машины и захлопнула дверцу.

Тут к ней подошел Лука – сам, без приглашения. «Мой сын стал совершенно другим человеком», – подумала Лидия. Он наблюдал за ней молча и безошибочно угадывал ее желания.

– Куда мы пойдем, Мамаи?

Женщина бросила на сына косой взгляд. Ему всего восемь лет. Каким-то образом она должна оправиться после катастрофы и спасти то, что еще можно спасти. Она поцеловала Луку в макушку, и вместе они двинулись в путь – прочь от репортеров, прочь от ярко-оранжевой машины, от дома бабушки, от их разрушенной жизни.

– Не знаю, *mijo*, – ответила Лидия. – Мы что-нибудь придумаем. Нас ждет настоящее приключение.

– Как в кино?

– Да, *mijo*. Прямо как в кино.

Не сбавляя шага, женщина надела рюкзак на плечи и подтянула на нем лямки; затем подхватила саквояж. Они прошли несколько кварталов на север, свернули налево в сторону пляжа, а потом снова двинулись на юг – Лидия никак не могла определиться, какая стратегия лучше: затеряться в толпе среди туристов или вообще избегать чужих глаз. Она часто оглядывалась через плечо, внимательно изучала лица водителей в проезжавших мимо машинах, крепче стискивала руку сына. Возле чьей-то распахнутой калитки на них принялась с лаем наскакивать дворняжка. Из дома за калиткой вышла женщина в застиранном платье в цветочек, чтобы утихомирить собаку. Но прежде, чем она успела подойти, Лидия яростно пнула дворняжку ногой, не испытывая ни малейших угрызений совести. Женщина что-то закричала им вслед, но Лидия пошла дальше, крепко держа сына за руку.

Лука поправил козырек бейсболки, которая была ему велика. В ленту вокруг головы крепко впитался отцовский пот, и время от времени мальчик двигал кепку на голове, чтобы почувствовать запах Папи. Чуть погодя он вдруг испугался, что так весь запах улетучится, и перестал трогать ее вовсе. Через некоторое время они заметили автобус и решили поехать на нем.

Стояла середина субботнего дня, и народу было немного. Заняв свободное сиденье, Лука поначалу обрадовался, но быстро понял: постоянное движение ног, носивших по городу его маленькое тело, – единственное, что хоть как-то сдерживало ужас, который грозил вот-вот обрушиться на него. Стоило ему сесть рядом с Мамаи в голубое пластиковое кресло и свесить ноги, как он сразу начал думать. Начал дрожать. Заметив это, мать обвила его рукой и крепко прижала к себе.

– Нельзя здесь плакать, *mijito*¹². Подожди немного.

В ответ Лука молча кивнул и, как ни странно, сразу перестал дрожать; слезы тоже отступили. Прислонившись головой к теплomu стеклу, мальчик выглянул на улицу. Он пытался сосредоточиться на пестрых красках города: на зелени пальмовых листьев, стволах деревьев, выкрашенных в белый для защиты от жучков, на ярко мигающих вывесках отелей и магазинов. Проезжая мимо аквапарка «Эль-Ройо», Лука смотрел на детей и подростков, стоявших в очереди за билетами. На ногах у них были шлепанцы, на плечах висели полотенца. Позади них взлетали и опускались красно-желтые водные горки. Лука положил на стекло палец и по очереди раздавил каждого ребенка. Автобус со скрипом затормозил, и в салон вошли три подростка с мокрыми волосами. Они прошли мимо Луки и его матери, не обратив на них внимания, и расселись в последнем ряду. Уперев локти в колени, они начали тихонько переговариваться.

---

¹² Сыночек (*исп.*).

– Папи собирался меня отвезти. Как-нибудь летом, – сказал Лука.

– Что?

– В «Эль-Ройо». Он говорил, что можно съездить летом. Когда у меня начнутся каникулы, он бы отпросился с работы.

Лидия втянула щеки и закусила нижнюю губу. Предательский рефлекс: она злилась на мужа. Тем временем водитель закрыл двери, и автобус снова влился в общий поток машин. Лидия наклонилась и раскрыла молнию на саквояже. Затем скинула туфли на каблуках и переобулась в стеганые золотистые кроссовки бабушки. Пока что Лидия не придумала, как поступить дальше, что вообще-то было для нее нехарактерно. Но составить какой-то план было непросто, потому что собственные мысли теперь казались ей чужими – лихорадочными и вязкими одновременно. Ее хватало только на то, чтобы помнить: каждые пятнадцать-двадцать минут следует пересаживаться на другой автобус. Так они и делали. Иногда они ехали в обратную сторону, иногда продолжали тот же маршрут. Когда один из автобусов остановился возле церкви, они ненадолго заглянули внутрь. Но та часть Лидии, которая раньше испытывала желание молиться, теперь схлопнулась. Подобное случалось с ней и раньше. Когда ей было семнадцать и ее отец умер от рака; когда на позднем сроке, спустя два года после рождения Луки, у нее случился выкидыш; когда врачи сказали, что она больше не сможет иметь детей. Так что теперь Лидия не восприняла свое бесчувствие как кризис веры. Напротив, подумала, что это проявление Божественной благодати. Что-то вроде приостановки работы правительства: Господь на время закрыл все ее второстепенные ведомства. Пока они ждали очередной автобус, Луку снова вырвало на тротуар.

На шее у Лидии сверкала тонкая золотая подвеска с тремя сцепленными колечками. Неброское украшение, но кроме него и филигранного золотого кольца на безымянном пальце левой руки никаких других она не носила. Эту подвеску ей подарил Себастьян в первое Рождество после рождения Луки, и женщина полюбила ее с первого взгляда – за символизм. С тех пор Лидия надевала ее каждый день и так свыклась с этой цепочкой, что у нее появился целый набор связанных с ней жестов. Когда Лидии было скучно, она начинала прощупывать все звенья подушечкой большого пальца. Когда она волновалась, по очереди нанизывала все три колечка на мизинец и слушала, как при этом позвякивает металл. Но сейчас она решила их не трогать. Потянулась по привычке, но вовремя себя одернула. Нет, все старые привычки ей придется оставить в прошлом. Если она надеется выжить, то должна полностью преобразиться. Лидия расстегнула цепочку и повесила на нее обручальное кольцо Себастьяна, которое раньше надела себе на большой палец. Затем снова защелкнула замочек на шее и спрятала украшение под воротник блузки.

Очень важно не привлекать внимания водителей автобусов, поскольку те нередко подрабатывали *halcones* – осведомителями на службе картелей. Лидия знала, что их с Лукой вид способен послужить естественной маскировкой: умеренно привлекательная, но не ослепительно красивая женщина неопределенного возраста едет куда-то с ничем не примечательным мальчиком. Если постараться, они будут выглядеть так, будто просто едут за покупками или в гости к друзьям. В самом деле, они могли бы поменяться местами с любыми другими пассажирами автобуса, и никто бы не заметил разницы. Что за абсурд, думала Лидия, неужели окружающие и вправду не видят, какой невероятный кошмар им с сыном только что пришлось пережить? Лидии их инакость казалась настолько очевидной, словно на обоих светились неоновые таблички. Каждую секунду ей приходилось удерживать в себе вопль, который бился внутри, словно живое существо. Он кувыркался и пинал ее под дых, как когда-то делал еще не родившийся Лука. Лишь невероятным усилием воли ей удавалось придушить его.

Когда в свирепом хаосе ее затуманенного сознания наконец-то зародился план, она долго не могла понять, насколько он хорош. Однако, за неимением лучшего, Лидия решила действовать. Без пятнадцати четыре, прямо перед закрытием пляжа Плайя-Калетилья, они с Лукой

вышли из автобуса и направились в незнакомое отделение их банка. Пока они стояли в очереди, Лидия включила мобильник и проверила баланс, после чего снова отключила аппарат. Затем заполнила форму на выдачу почти всей суммы, хранившейся у них на счете: 219 803 песо, что приблизительно равнялось 12 500 долларам. Большая часть этих денег досталась семье в наследство от крестного отца Себастьяна, бездетного владельца компании по розливу напитков. Лидия попросила, чтобы всю сумму ей выдали крупными купюрами.

Несколько минут спустя они снова сели в автобус. Все их семейные сбережения теперь лежали на дне красного саквояжа бабушки в трех пузатых конвертах. Через час, сменив три автобуса, Лидия с Лукой вышли на остановке в Диаманте и отправились в местный «Уолмарт». Там они купили рюкзак для Луки, две упаковки нижнего белья, две пары джинсов, шесть белых футболок без рисунков, две толстовки с капюшоном, две теплые куртки, две зубные щетки, пачку одноразовых салфеток, пластыри, солнцезащитный крем, бальзам для губ, аптечку первой помощи, две фляги, два фонарика, батарейки и карту Мексики. В хозяйственном отделе Лидия долго выбирала подходящий мачете и в итоге остановилась на небольшой модели со складным лезвием и аккуратным крепким чехлом, который можно было пристегнуть к ноге. Конечно, это не пистолет, но все же лучше, чем ничего. Расплатившись наличными, мать с сыном покинули магазин. Пройдя под эстакадой, они свернули к пляжным отелям; на Луке по-прежнему была отцовская бейсболка, а Лидия по-прежнему старалась не трогать свою любимую золотую подвеску. Женщина внимательно вглядывалась в каждого встречного: других пешеходов, водителей в проезжавших мимо машинах и даже худеньких ребят на скейтбордах. Она знала: в этом городе *halcones* шныряли повсюду. Лидия с Лукой прибавили шагу. Выбор пал на гостиницу «Дукеса Имperiал» – в первую очередь из-за ее размера. Достаточно большая, эта гостиница могла обеспечить конфиденциальность постояльцев, но при этом была недостаточно новой для того, чтобы привлечь любителей модных мест. На стойке регистрации Лидия попросила номер с видом на улицу и снова расплатилась наличными.

– Еще нам понадобится номер вашей кредитки на случай непредвиденных расходов, – объявил администратор, положив в бумажный конвертик две карточки-ключа.

Взглянув на ключи, Лидия прикинула: может, просто схватить их и рвануть к лифту? Но все же открыла саквояж и сделала вид, будто ищет кредитку.

– Ну и ну, – сказала она наконец. – Кажется, я оставила ее в машине. А какой у вас залог?

– Четыре тысячи песо. – Администратор одарил ее стерильной улыбкой. – Разумеется, потом мы полностью возместим вам эту сумму. Перечислим ее на ваш счет.

– Разумеется.

Поставив саквояж на колено, Лидия нащупала деньги и, не доставая конверта, аккуратно отсчитала четыре тысячи песо.

– Ничего, если наличными? – спросила она.

– Э-э-э... – Администратор замялся и кинул тревожный взгляд на старшего управляющего, который в тот момент заселял другого клиента.

– Ничего, – отозвался управляющий, не поднимая глаз.

Администратор кивнул и забрал у Лидии четыре розовые купюры. Положив их в конверт, он запечатал края.

– Ваше имя, пожалуйста. – Его черная ручка зависла над конвертом.

На мгновение Лидия задумалась и назвала первое имя, которое пришло ей в голову:

– Фермина Даса.

Администратор протянул ей ключи от номера:

– Приятного отдыха, мисс Даса.

В лифте, едущем на десятый этаж, Лука провел самые долгие полторы минуты своей жизни. У него болели ноги, болела спина, и он до сих пор так и не поплакал. На четвертом этаже в кабину зашла семья, но, узнав, что лифт едет наверх, снова вышла. Родители держались

за руки и смеялись, их двое детей о чем-то препирались. Когда за ними закрывалась дверь, один из детей, – мальчик – оглянулся и показал Луке язык. Внутренний голос и едва заметные сигналы, которые ему подавала мать, подсказывали Луке, что нужно вести себя как ни в чем не бывало, и до сих пор он более или менее справлялся с этой непосильной задачей. Но теперь с ними в лифте ехала элегантная пожилая дама, и она восхищалась золотыми стегаными кроссовками Мами. Бабушкиными кроссовками. Лука часто-часто заморгал.

– Какая красивая у вас обувь – и такая необычная! – сказала дама, легонько похлопывая Мами по плечу. – Где вы ее купили?

Отвечая даме, Лидия смотрела не на собеседницу, а себе под ноги.

– Ой, даже и не помню, – сказала она. – Им уже много лет.

Затем она несколько раз яростно вдавила кнопку десятого этажа, что никак не отразилось на скорости лифта, но произвело нужный эффект: прекратило все дальнейшие попытки с ней заговорить. Когда на шестом этаже дама вышла, Мами торопливо нажала четырнадцатую, восемнадцатую и девятнадцатую кнопку. Они доехали до десятого этажа, а потом спустились по лестнице на седьмой.

Когда Мами наконец открыла дверь в их номер, хорошенько оглядела застеленный ковром коридор и затолкала сына внутрь, после того как она повернула замочную ручку, задвинула щеколду и, протаскив по кафельной плитке рабочее кресло, подперла спинкой дверь, с Лукой случилось нечто удивительное. Вот что случилось: абсолютно ничего. Волна горя, все это время бурлившая где-то внутри, так и не выплеснулась наружу. Но и не спала. Она по-прежнему дыбилась на задворках его сознания, запертая в невидимых берегах, словно затаенное дыхание.

Мальчику казалось, что, поверни он голову, дотронься он до этого шарообразного ужаса лишь самым кончиком пальца, тотчас хлынет поток такой чудовищной мощи, что Луку навсегда унесет прочь. Он очень старался сидеть смирно. Потом скинул кроссовки и сел на край единственной кровати. В центре лежало полотенце, сложенное в виде лебедя; Лука потянул его за шею и бросил на пол. Схватившись за пульт, словно это был спасательный круг, мальчик включил телевизор.

Тем временем Мами перетащила из прихожей пакеты, рюкзаки и красный саквояж и вытряхнула содержимое на журнальный столик. Она принялась срывать ярлыки и раскладывать все по стопкам, но внезапно рухнула в кресло и сидела так, не двигаясь, по меньшей мере минут десять. Лука на нее не смотрел: он прилип к экрану. По детскому каналу показывали сериал «Опасный Генри», и он сделал звук громче. Когда Мами наконец очнулась, она подошла к мальчику и с силой поцеловала его в лоб. Затем открыла дверь на балкон. Правда, она сомневалась, что во всем мире теперь найдется достаточно свежего воздуха, чтобы прочистить ей голову, но попытаться стоило. Оставив дверь открытой, Лидия шагнула наружу.

Теперь она понимала, что в чувстве ужаса все-таки было нечто хорошее: оно вытесняло скорбь. Она знала, что вскоре ей придется встретиться лицом к лицу с тем, что случилось. Но в настоящий момент мысль о том, что еще только может случиться, сводила на нет самую жуткую тоску. Выглянув с балкона, Лидия внимательно изучила улицу. Сказала себе, что там никого нет. Что они с сыном в безопасности.

В этот момент в вестибюле на первом этаже администратор отпросился со своего поста и направился в комнату отдыха для персонала. Зайдя в туалет, он закрылся во второй кабинке, достал из внутреннего кармана пиджака одноразовый мобильный и отправил сообщение: «В гостиницу “Дукеса Империял” только что заселились два особенных гостя».

4

С Хавьером Креспо Фуэнтесом Лидия познакомилась однажды ранним утром во вторник, когда ставила у входа в свой книжный магазин черную меловую доску. В ту неделю она отобрала десять романов из самых отдаленных уголков мира и написала на доске: «Книга дешевле, чем билет на самолет!» Подперев ногой входную дверь, Лидия подняла этот самодельный рекламный щит, как вдруг увидела мужчину, спешащего ей на помощь. Пока он держал для Лидии дверь, над ними многозначительно звенел колокольчик.

– Спасибо, – поблагодарила она.

Мужчина кивнул и сказал:

– Но намного опаснее.

Нахмурившись, Лидия поставила доску на тротуар.

– Простите, что?

– Ваше объявление. – Мужчина показал рукой. Она отступила, чтобы перечесть написанное. – Книги, конечно, дешевле путешествий, но и намного опаснее.

Лидия улыбнулась:

– Полагаю, все зависит от того, куда ехать.

В магазине она предоставила мужчине разглядывать полки, а сама встала за прилавок. Через некоторое время мужчина подошел к ней со стопкой книг, и Лидию поразило его выбор.

Лидия уже почти десять лет владела магазином, и он был заполнен книгами, которые она любила, и книгами, от которых она была не в восторге, но знала, что они хорошо разойдутся. Кроме того, у нее имелись открытки, ручки, календари, игрушки, настольные игры, очки для чтения, магнитики и брелоки. Именно благодаря этой мелочи, а также бестселлерам магазин приносил кое-какую прибыль. Лидия уже давно находила тайное удовольствие в том, чтобы среди популярных товаров выставлять свои секретные сокровища, жемчужины, которые когда-то распахнули ее сознание и изменили ее жизнь. Некоторые из этих книг даже не были переведены на испанский, но Лидия все равно ставила их на полки – не потому, что надеялась когда-нибудь продать, а просто потому, что рядом с ними чувствовала себя счастливой. В магазине было около дюжины таких книг, которые так ни разу и не покинули своих насиженных мест, наблюдая, как сменяют друг друга их соседи. Случалось, что Лидия находила книгу, которая задевала ее за живое, открывала неизведанные прежде горизонты и полностью меняла ее представление о мире, – и тогда секретная коллекция магазина пополнялась. Изредка Лидия пыталась предложить такую книгу какому-нибудь покупателю – но только хорошо знакомому, приятному человеку, который, по ее мнению, был способен по достоинству оценить предложенное сокровище. Но почти всегда ее ждало разочарование. За десять лет, что Лидия тут работала, лишь дважды ей посчастливилось наблюдать, как покупатель сам, по собственному желанию, принес на кассу книгу-сокровище. Лишь дважды за целое десятилетие между полками магазина замерцало чудо, а колокольчик над дверью, словно ветвь омелы, обещал нечто волшебное.

Незнакомец подошел к прилавку, где Лидия тем временем просматривала каталог. И когда она начала пробивать книги, то с изумлением обнаружила не одно, а целых два сокровища: «Сердце, ты мучитель, ты дрянь» Лии Хагер Коэн и «Местонахождение Энея Макналти» Себастьяна Барри.

– Боже мой, – выдохнула Лидия.

– Что-то не так?

Она подняла глаза и только в тот момент по-настоящему его увидела, хотя на входе они успели немного поболтать. Для утра вторника мужчина был одет чересчур элегантно: темно-синие брюки и белая рубашка; такой наряд скорее подходил для воскресной мессы, а не для работы в будний день. Его густые черные волосы были разделены аккуратным пробором и

зачесаны набок в духе пятидесятых. На носу – очки в толстой оправе из черного пластика, тоже старомодные, такие винтажные, что уже смотрелись интересно. За толстыми линзами плескались огромные глаза; усы чуть подрагивали.

– Это мои любимые книги. – Объяснение получилось так себе, но ничего лучше Лидия не придумала.

– И мои. – Мужчина робко улыбнулся, отчего кончики его усов едва заметно поднялись.

– Вы их уже читали? – Лидия обеими руками сжимала «Сердце, ты мучитель, ты дрянь».

– Ну, на самом деле только эту.

Он показал на книгу, которую Лидия держала в руках. Взглянув на обложку, та спросила:

– *You read in English?*¹³

– Пытаюсь, да. У меня хороший английский, почти свободный. Но тут такая запутанная история. Подозреваю, что, когда читал в первый раз, что-то все-таки упустил. Теперь хотелось бы навестать.

– Понимаю. – Лидия улыбалась, чувствуя себя немного странно. Не обращая внимания на это ощущение, она беззаботно продолжила: – Приходите, когда дочитаете, обсудим!

– Правда? – Собеседник охотно закивал. – У вас тут есть книжный клуб?

Она слегка приоткрыла рот, а потом рассмеялась:

– Нет! Тут только я!

– Так даже лучше.

Мужчина улыбнулся, и Лидия внезапно помрачнела: ей совсем не хотелось, чтобы этот момент вышел за границы благопристойности. Он флиртует? Когда на этот счет возникают сомнения, ответ, скорее всего, «да». Лидия опустила книгу на прилавок, прикрывая обложку ладонью.

Мужчина уловил напряжение в этом жесте и сразу постарался исправить ситуацию:

– Я имел в виду, что лишние мнения могут лишь помешать самостоятельному восприятию текста. – Он взглянул на книгу под ладонью Лидии и добавил: – Замечательная вещь. Просто замечательная.

Лидия сдержанно улыбнулась, подняла с рычага сканер и направила его на книгу.

В следующий понедельник мужчина пришел снова и сразу направился к кассе, хотя в тот момент Лидия была занята с другим покупателем. Ее новый знакомый подождал, стоя рядом и положив руки на прилавок. Когда покупатель наконец ушел, они широко улыбнулись друг другу.

– Ну как? – спросила она.

– Невероятно! Даже лучше, чем в первый раз.

– Да! – Лидия хлопнула в ладоши.

Одна из главных героинь книги страдала от необычного расстройства: ей хотелось прыгать с высоты. Она не пыталась умереть, но из-за этого опасного пристрастия постоянно себя калечила.

– У меня такое же расстройство, – неожиданно признался Хавьер.

– Да вы что?! Не может быть!

Расстройство было фантазией автора.

И тем не менее Лидия тоже страдала от него. Если она слишком близко подходила к ограде своего балкона, ей приходилось крепче держаться за перила. Приходилось вдавливать пятки в пол. Она боялась, что однажды просто сиганет вниз – беспечно, бездумно. Разобьется о тротуар под рев и свист машин, которые будут напрасно пытаться объехать ее тело. Скорая опоздает. Лука останется сиротой, и все ошибочно решат, что она покончила с собой. Чтобы

---

¹³ Вы читаете по-английски? (англ.)

избежать такой кончины, Лидия раз за разом прокручивала в голове этот сценарий. *Мне нельзя прыгать.*

– А я-то думал, я один такой, – признался Хавьер. – Я был уверен, что все это какое-то безумное порождение моего сознания. И вот оно, в точности то же самое, в этой книге.

Лидия даже не сразу заметила, что слушает с открытым ртом. Она тяжело опустилась на стул.

– А я думала, это я одна такая.

Хавьер поднял руки с прилавка и выпрямил спину.

– И вы тоже?

Лидия молча кивнула.

– *Well, my God!*¹⁴ – воскликнул Хавьер и рассмеялся. – Что ж, можно открывать группу поддержки.

И так они стояли и разговаривали – так долго, что в какой-то момент Лидия предложила гостю кофе, и тот ответил согласием. Она подтащила табуретку к дальнему концу прилавка, чтобы мужчине было удобнее пить. Он очень старался не запачкать усы кофейной пенкой. Они говорили про литературу и поэзию, про экономику и политику, про музыку, которую оба обожали. Хавьер провел в магазине два часа, и Лидия даже начала волноваться, как бы его не хватились на работе или где-то еще. В ответ мужчина лишь небрежно отмахнулся.

– Сейчас для меня нет ничего важнее нашего разговора, – сказал он.

Лидия всегда мечтала, что именно так когда-нибудь и будут проходить ее дни в книжном магазине. Что в перерывах между повседневной каторгой предпринимательства она будет развлекать любимых покупателей – таких же коммуникабельных и обаятельных, как и книги вокруг них.

– Мне осталось найти еще троих таких же покупателей, как вы, и можно считать, что жизнь удалась, – заметила Лидия, допивая кофе.

Хавьер положил руку на грудь и слегка поклонился.

– Постараюсь заменить их всех, – пообещал он, а потом добавил негромко и как бы невзначай: – Знаете, в другой жизни я бы попросил вас стать моей женой.

Лидия резко поднялась с табуретки и покачала головой.

– Извините, – сказал Хавьер. – Не хотел вас смущать.

Лидия молча собрала чашки. Проблема заключалась не в этом признании, а в предательском чувстве: в другой жизни она, возможно, сказала бы «да».

– Пора мне приниматься за работу, – сказала она наконец. – Сегодня мне еще нужно сделать один заказ. И упаковать кое-какие посылки.

В тот день Хавьер купил семь книг, три из них – по совету Лидии.

Утром пятницы, во время летнего ливня, под навесом на входе в магазин возникли двое крупных грозных мужчин. Вскоре показался Хавьер. Увидев его, Лидия испытала острый прилив счастья: ей так хотелось обсудить новые книги! Она пыталась вести себя как обычно, но при виде двух незнакомцев, по-прежнему стоявших под навесом, у нее в груди перехватывало дыхание.

– Они вас нервируют, – заметил Хавьер.

– Я просто не понимаю, что им нужно. – Лидия поднялась со своего обычного места и принялась расхаживать вдоль прилавка.

Как и все владельцы соседних магазинов, она уже заплатила картелю дань за этот месяц. Платить больше она просто не могла.

– Я их прогоню, – сказал Хавьер.

---

¹⁴ Господи, ну и ну! (англ.)

Схватив его за руку, Лидия стала возражать и говорила все громче, а ее собеседник, напротив, успокаивал ее приглушенным голосом. Она попыталась преградить ему дорогу, но Хавьер обогнул ее и прошел мимо.

– Они вас покалечат! – прошептала она яростно, но стараясь не привлекать внимания.

В ответ мужчина лишь улыбнулся, отчего кончики усов слегка дрогнули, и снова ее подбодрил:

– Не покалечат.

Лидия поспешно спряталась за прилавком, а ее новый друг открыл дверь и переступил через порог. Она с удивлением наблюдала, как он спокойно разговаривает с двумя накачанными бандитами под навесом магазина. Те указывали на дождь, но Хавьер вскинул руку, словно стрелял из пистолета, и мужчины послушно шагнули в пелену ливня.

Лидия долго отказывалась понимать, что к чему. Визиты Хавьера становились чаще и продолжительнее, темы бесед становились все более личными, и дважды она мельком замечала фигуры тех самых мужчин. Однако она заставила себя забыть о власти, которую продемонстрировал Хавьер тем дождливым утром. Когда он впервые заговорил о своей жене, которую любовно называл *la reina de mi corazón*, «владычица моего сердца», настороженность Лидии ослабла. Когда он рассказал ей о существовании молодой любовницы, которую называл *la reina de mis pantalones*, «владычица моих штанов», заслоны рухнули почти полностью.

– Отвратительно! – заключила она, но с удивлением обнаружила, что и сама смеется.

В том, что женатый мужчина завел роман на стороне, не было ничего необычного, но вот так вот запросто обсуждать это с другой женщиной – это было совершенно неслыханно. Именно поэтому признание Хавьера сослужило сразу две службы: с одной стороны, избавило Лидию от подозрений (хотя и лестных) на романтическую привязанность, а с другой – по мере того как мужчина раскрывал потаенные грани своей личности – связало их тесными узами дружбы. Они доверяли друг другу секреты, делились смешными историями, наблюдениями, разочарованиями. Порой они даже рассказывали друг другу о том, что раздражало их в супругах.

Как-то раз Лидия пожаловалась, что Себастьян оставляет на кухонном столе грязные носки.

– Если бы я был твоим мужем, я бы никогда так не поступил! – воскликнул Хавьер.

– Конечно нет. – Лидия рассмеялась. – Ты был бы идеальным мужем.

– Я бы каждый день стирал все грязные носки!

– А то!

– Я бы каждую неделю сжигал все старые носки и покупал бы новые!

– Ага.

– Я бы и вовсе отказался от носков, если бы это сделало тебя счастливой!

Вопреки себе Лидия опять рассмеялась. В ответ на подобные заявления она просто закатывала глаза, потому что легкий флирт был лишь мимолетной тучкой на небосклоне их дружбы. Между ними разражались и настоящие грозы. Например, оказалось, что их отцы умерли примерно в одно и то же время и при похожих обстоятельствах – от рака. Это знание сделало их еще ближе. У обоих когда-то были хорошие отцы, и оба потеряли их в юном возрасте.

– Слово вступил в самый дерьмовый клуб по интересам, да? – заметил как-то Хавьер.

Отец Лидии умер почти пятнадцать лет назад, и хотя теперь она горевала лишь временами, в эти моменты скорбь оставалась такой же острой, как и в день его смерти.

– Я знаю, каково это, – говорил Хавьер, хотя она не упоминала об этом напрямую.

Так что она терпела его настойчивые заигрывания, а он, в свою очередь, принимал – вероятно, не без удовольствия – ее твердые отказы. Лидия считала, что это придает ему особенное обаяние.

– Но, Лидия, – галантно говорил Хавьер, прижав руки к сердцу, – исключая других моих возлюбленных, ты и есть *la reina de mi alma*.

Владычица моей души.

– Что бы сказала на это твоя бедная жена?

– Моей замечательной жене хочется только одного: чтобы я был счастлив!

– Да она у тебя святая!

Он часто рассказывал о своем единственном ребенке, шестнадцатилетней девушке, которая училась в частной школе в Барселоне. Стоило Хавьеру заговорить о ней, как в нем все менялось: голос, лицо, жесты. Его любовь к дочери была так сильна, что даже в разговорах он упоминал о ней в самых деликатных выражениях. Ее имя было словно хрупкий хрустальный шар, который Хавьер боялся уронить.

– Я часто шучу про своих многочисленных возлюбленных, но на самом деле любовь у меня только одна, – с улыбкой сказал Хавьер. – Марта. *Es mi cielo, mi luna y todas mis estrellas*¹⁵.

– Я ведь и сама мать, – кивнула Лидия. – Я знаю эту любовь.

Ее друг сидел напротив на табурете, который она теперь считала его табуретом.

– Эта любовь настолько огромна, что иногда меня пугает, – продолжал Хавьер. – Я не надеюсь ее заслужить, поэтому мне страшно, что однажды она исчезнет, поглотит меня без остатка. И в то же самое время, кроме нее за всю свою жизнь я не сотворил ничего хорошего.

– Ой, Хавьер... это наверняка неправда.

Ее собеседник помрачнел. Покачав головой, потер глаза под стеклышками очков.

– Просто моя жизнь сложилась совсем не так, как я хотел, – сказал он. – Знаешь ведь, как оно бывает.

Но Лидия не знала. Они уже несколько недель как дружили и все лучше узнавали друг друга, но в этом вопросе не могли найти общий язык. Лидия не думала, что у нее будет только один ребенок, но в остальном ее жизнь сложилась именно так, как она хотела. Она давно оставила в прошлом надежду родить дочь, сумела смириться с этим разочарованием. Лидия была довольна выбранным путем, и даже более того. Она была счастлива. Но теперь Хавьер смотрел на нее через стекла своих очков, и в его глазах читалось отчаянное желание быть понятым. Сжав губы, она сказала:

– Расскажи мне все.

Хавьер снял очки, сложил их и, моргая, спрятал в нагрудный карман рубашки. Оставшись без привычной защиты, его глаза казались маленькими и уязвимыми.

– Я мечтал стать поэтом! – Он рассмеялся. – Нелепо, правда? В наше-то время! – Лидия накрыла ладонью его руку. – Я думал, что стану ученым. Буду вести спокойную жизнь. Меня бы вполне устроила бедность.

Лидия скривила рот и провела пальцем по циферблату элегантных часов на его запястье.

– Что-то я сомневаюсь, – сказала она.

Хавьер пожал плечами:

– Я и правда люблю хорошие ботинки.

– И стейки, – напомнила она.

– Да, но кто же не любит вкусный стейк? – со смехом ответил он.

– Ты бы разорился на одних только книгах.

– *Dios mío*¹⁶, Лидия, ты права! Из меня бы получился никудышный бедняк.

– Ужасный, – согласилась она и, немного помолчав, добавила: – Но если ты и правда несчастлив, еще ведь не поздно, правда? Ты ведь еще молодой.

– Мне пятьдесят один год!

---

¹⁵ Мои небеса, моя луна и все мои звезды (*исп.*).

¹⁶ Боже мой (*исп.*).

Даже меньше, чем она думала.

– Да ты, считай, ребенок. Да и вообще, из-за чего ты так грустишь?

Хавьер опустил глаза на прилавок, и Лидия с удивлением увидела на его лице гримасу искреннего страдания. Склонившись к нему поближе, она негромко сказала:

– Ты можешь изменить свою жизнь, Хавьер. Точно можешь. Ты такой талантливый, такой способный человек. Что тебе мешает?

– Да ну. – Хавьер покачал головой и снова надел очки. Его лицо вновь приобретало привычные очертания. – Теперь это просто романтические мечты. Все кончено. Я сделал выбор давным-давно. И оказался, где оказался.

– Но ведь получилось не так уж и плохо? – спросила Лидия, крепче сжав его руку. Так она могла бы говорить с Лукой, пытаясь настроить сына на более оптимистичный лад.

Хавьер медленно моргнул и слегка склонил голову набок. Этот жест было трудно истолковать.

– Сойдет и так, – ответил он наконец.

Тогда Лидия распрямилась и, глотнув из чашки почти остывший кофе, заметила:

– В результате теперь у тебя есть Марта.

– Да, Марта. – Глаза Хавьера заискрились. – И ты.

В следующий раз он пришел к ней с коробкой печенья кончас и уселся на свое обычное место. Лидия ходила между полками, помогая покупателям выбирать книги. Хавьер тем временем открыл свою коробку и выложил на салфетки два печенья в форме ракушек. Когда покупатели подходили на кассу, чтобы расплатиться, он здоровался с ними так, словно и сам работал в магазине. А потом предлагал им угоститься. Когда они с Лидией наконец остались вдвоем, Хавьер выудил из внутреннего кармана пиджака небольшой блокнот и положил его на прилавок.

– Что это такое? – спросила Лидия.

Тревожно сглотнув, ее друг ответил:

– Мои стихи.

Глаза Лидии широко распахнулись от восторга.

– Я никому раньше их не показывал. Только Марте. Она изучает в школе поэзию. А еще французский и математику. Она, конечно, намного умнее своего старого папаша.

– Ах, Хавьер.

Мужчина беспокойно тербил краешек блокнота.

– Я всю жизнь пишу стихи. С самого детства. Я подумал, может, ты захочешь их послушать.

Лидия придвинула табурет поближе и опустила подбородок на переплетенные руки. Между ней и Хавьером на промасленной салфетке лежало печенье. Он открыл блокнот и принялся листать потрепанные страницы. Хавьер переворачивал их медленно и осторожно, пока наконец не добрался до нужного места. Затем он прокашлялся и стал читать.

До чего же скверными оказались его стихи! Мрачные и в то же время совершенно пустые, такие ужасные, что Лидия еще сильнее полюбила своего друга – за то, что он доверился ей и предстал перед ней таким беззащитным. Закончив, Хавьер выжидательно посмотрел на Лидию. Его лицо исказила тревога. Но она искренне сказала с сияющим, теплым взглядом:

– Прекрасно. Очень красиво.

Их дружба крепла и развивалась на удивление стремительно. Вскоре заигрывания почти полностью сошли на нет, а вместо них возникло чувство близости, которое Лидия прежде испытывала только в кругу семьи. Связь с Хавьером была чисто платонической, но привносила в ее жизнь новые краски.

Благодаря ему Лидия поняла, что в возрасте степенного материнства жизнь по-прежнему может быть увлекательной, что всегда есть шанс встретиться с чем-то, с кем-то новым. В день

ее рождения – хотя, как Лидии помнилось, она не сообщала ему эту дату – Хавьер вручил ей серебристый сверток размером с книгу. На ленточке было написано: «*Jacques Genin*».

– Это тебе от главного шоколатье Парижа, – объяснил он.

Поколебавшись, хотя и не очень убедительно, Лидия приняла подарок (шоколад она обожала). По чистой случайности она съела эти крошечные шедевры все до последнего прежде, чем за ней явились Себастьян и Лука, чтобы отвести ее на праздничный ужин.

Из-за участвовавших стычек между картелями семья Лидии – как в общем-то и большинство семей Акапулько – почти перестала ходить по ресторанам. Установленный порядок нарушила молодая группировка «Лос-Хардинерос». Поначалу это название не вызывало среди населения должного страха, впрочем, эта проблема быстро была решена. Очень скоро жители города узнали, что эти «Садовники» редко используют огнестрельное оружие, давая волю своей фантазии. Им импонировали более уютные орудия: лопаты, топоры, серпы, крюки и мачете. Простейшие инструменты ручного труда. С их помощью «Лос-Хардинерос» могли перевернуть землю; с их помощью они выкорчевывали и погребали своих соперников. Кое-кому из свергнутых правителей удавалось выжить; некоторые присоединялись к рядам захватчиков, но большинство бежали прочь. В результате кровопролитие почти прекратилось, и победитель набросил на плечи города покров тревожной тишины. На протяжении четырех месяцев на улицах Акапулько было относительно спокойно, и жители стали осторожно выходить на улицы, в рестораны и магазины. Они горели желанием восстановить разрушенную экономику. Они мечтали выпивать в барах. И поэтому Лидия с семьей отправилась в ресторан, выбранный скорее из-за соображений безопасности, а не качества обслуживания, в самом приличном районе, где деньги туристов накладывали на бандитов определенные ограничения. Там, в окружении сияющих лиц своих родных, она задула свечи на торте в свой тридцать второй день рождения.

Чуть позже тем же вечером, когда Лука отправился спать, а Себастьян открыл бутылку вина, они снова завели разговор о текущем положении дел в Акапулько. Лидия стояла за кухонной стойкой, отставив чуть в сторону винный бокал.

– Здорово, что мы сегодня выбрались, – сказала она.

– Словно снова все в порядке, правда? – Себастьян сидел на диване, закинув скрещенные ноги на журнальный столик.

– На улице было много людей.

В тот вечер они впервые за год побывали в ресторане вместе с Лукой.

– Теперь осталось только вернуть туристов, – сказал Себастьян.

Лидия тяжело вздохнула. Для Акапулько туристы всегда были главным источником жизненной силы, но почти всех их отпугнули бандитские разборки. Она не знала, как долго продержится ее магазин, если в скором времени они не вернуться. Хотелось верить, что недавнее затишье предвещает смену курса.

– Как думаешь, все действительно налаживается?

Себастьяну было известно о картелях буквально все – что одновременно и восхищало, и расстраивало Лидию. Ее муж знал множество подробностей. Большинство людей были как Лидия: они не хотели знать. Они пытались отгородиться от жуткой реальности наркомира, потому что не смогли бы жить с этим знанием. Напротив, Себастьян жадно поглощал информацию. Он часто говорил: свободная пресса – последняя линия обороны, единственное, что стоит между народом Мексики и полным уничтожением. Таково было его призвание, и по молодости Лидия восторгалась его идеализмом. Она была уверена, что любой ребенок Себастьяна выйдет из ее утробы с достоинством и полным набором непогрешимых моральных принципов. Этим детям даже не придется объяснять разницу между добром и злом. Но теперь картели каждый месяц убивали какого-нибудь журналиста, и принципиальность мужа ужасала Лидию. Такое поведение казалось лицемерным, эгоистичным. Лидии больше хотелось видеть его живым, чем

верным своим убеждениям. Она мечтала, чтобы Себастьян сменил работу на что-то более спокойное, безобидное. Конечно, она пыталась его поддерживать, но порой начинала злиться от того, что муж подвергает себя такой опасности. Когда в Лидии вспыхивала эта злость, они с мужем с трудом обходили ее, словно огромный шкаф в тесной комнате.

– Ну, кое-что уже наладилось, – задумчиво ответил Себастьян, поднеся к губам бокал вина.

– Да, стало поспокойнее. Но действительно ли стало лучше?

– Наверное, зависит от того, как посмотреть. – Он поднял на нее глаза. – Если хочется ходить по ресторанам, то да, стало лучше.

Лидия нахмурилась. Да, ей действительно хотелось ходить по ресторанам. Неужели она была такой легкомысленной?

– Новый *хеффе* не дурак, – продолжал Себастьян. – Он понимает, что главное – стабильность. Он хочет мира. Кто знает, может, под «Лос-Хардинерос» все будет лучше, чем раньше.

– В каком смысле лучше? Думаешь, он наладит экономику? Вернет туристов?

– Не знаю, может быть. – Себастьян пожал плечами. – Если он сумеет положить конец насилию. По крайней мере, сейчас оно распространяется только на других наркодилеров. Никто не стреляет по невинным людям ради забавы.

– А как насчет того парня на пляже? На прошлой неделе?

– Случайность. Просто попал под руку.

Лидия поехала и жадно глотнула вина. Ее муж вовсе не был таким уж циником. Она терпеть не могла, когда он так разговаривал. Заметив, как ее передернуло, Себастьян поднялся с дивана, протянул руку и крепко сжал ее ладонь.

– Знаю-знаю, это ужасно. Но тот парень на пляже – просто несчастный случай. Они охотились не за ним. – Он легонько потянул ее за руку. – Давай посидим?

Лидия обошла кухонную стойку и села рядом с ним на диван.

– Я знаю, что тебе не нравится такая точка зрения, но в конечном счете эти ребята – обыкновенные бизнесмены, и новый *хеффе* – поумнее многих. – Себастьян обвил жену рукой. – Я бы не назвал его типичным наркodelьцом. В другой жизни из него бы получился Билл Гейтс. Или еще кто. Какой-нибудь предприниматель.

– Отлично. – Лидия провела рукой по груди мужа и положила голову ему на плечо. – Думаешь, ему стоит пойти в мэры?

– Нет, такому самое место в Торговой палате, – ответил Себастьян со смехом.

Но Лидия не могла последовать его примеру. На мгновение в комнате воцарилась тишина. А потом Себастьян сказал:

– Ла-Лечуса.

– Что?

– Так его называют. Сова.

Тут женщина не выдержала и расхохоталась.

– Ты что, серьезно?

Она подняла голову и заглянула мужу в глаза, пытаясь определить, не шутит ли он. Иногда он рассказывал ей всякие глупости, просто чтобы посмотреть, как далеко простирается ее доверчивость. Но сейчас он смотрел на нее невинным взглядом.

– Сова? Какое ужасное имя! – воскликнула Лидия. – Совы совсем не страшные.

– Да ты что? Жутко страшные.

– Ну нет.

– Уу-ху!

– Боже мой, прекрати.

Себастьян пробежал пальцами по ее волосам, и Лидия вновь прильнула к его груди. В его дыхании сквозил сладкий аромат красного вина.

– Я люблю тебя, Себастьян.

– Уу-ху!

Они рассмеялись. Начали целоваться. Вино осталось стоять на столике.

И только поздно ночью, когда муж уснул, подложив под голову локоть; когда его посапывание окутало комнату уютной пеленой; когда Лидия сидела, пытаясь читать в круге света, заливавшем только ее сторону кровати, – она ощутила в груди странный укол тревоги. В памяти всплыли слова Себастьяна: «В другой жизни из него бы получился Билл Гейтс». Захлопнув книгу, Лидия отложила ее на тумбочку.

В другой жизни. Слова отдавались у нее в голове неприятным эхом. Она откинула одеяло и свесила ноги с кровати. Себастьян вздрогнул, но не проснулся. В своей мешковатой футболке, которая едва прикрывала ей зад, Лидия направилась в коридор и ступила на холодную, залитую лунным светом плитку. На цыпочках она прокралась на кухню, к столу, за которым они часто ужинали втроем. Рядом стоял полурасстегнутый рюкзак мужа. Лидия вытащила оттуда ноутбук и зажгла свет над плитой. На дне рюкзака виднелись блокноты и несколько папок с фотографиями и документами.

Лидия очень хотела бы ошибиться и все же в глубине души уже знала ответ. Одна из самых последних фотографий во второй папке: там, за столом на веранде, в окружении нескольких мужчин, сидел человек, который был ей так дорог. Широкие усы, характерные очки. Теперь стало очевидно, кто такой Ла-Лечуса. Даже после вина и праздничного торта у нее во рту по-прежнему сохранялся привкус его шоколадных конфет.

5

Дома в маленькой комнате Луки на прикроватной тумбе стоял ночник в форме Ноева ковчега. Не слишком яркий, он давал достаточно света, чтобы видеть, где босые ступни мальчика соприкасаются с плиткой, когда посреди ночи тот вдруг просыпался от кошмара, скидывал с себя одеяло и бежал к Папи. Поэтому теперь, проснувшись в гостинице «Дукеса Империял», он был в растерянности. Разглядеть что-либо в темноте не представлялось возможным. Усевшись в незнакомой постели, он свесил ноги на пол.

– Папи?

Сначала мальчик всегда звал Папи. Подходил к кровати родителей с его стороны, хлопал отца по плечу – и тот укладывал Луку рядом, обхватив его рукой, и никогда не отправлял обратно к себе. От отцовской подушки немного пахло янтарной жидкостью, которую Папи пил перед сном. С Мами было здорово в дневные часы; но Папи оказывался лучше, бесконечно лучше, когда приходилось терпеть ночные пробуждения Луки.

– Папи! – снова позвал Лука. Его голос странно разносился вокруг, не натываясь на стены.

Вцепившись пальцами в толстое одеяло, мальчик попробовал по-другому:

– Мами?

Где-то рядом слышалось дыхание, которое на миг прервалось, а затем прозвучало:

– Я здесь, мой милый. Иди ко мне.

Мами. Укутав ноги одеялом, мальчик прислонился спиной к подушкам в изголовье – и тут все вернулось одним махом. Воспоминания о случившемся. Осознание, где они находятся. Из его тельца вышел весь воздух, колени подтянулись к подбородку. Лука спрятал лицо в ладонях и закричал, сам того не желая: звук вырвался невольно. Мами быстро вскочила на колени и дернула выключатель прикроватной лампы. Комната озарилась светом, но Лука ощущал его лишь сквозь опущенные ставни своих век. Мать притянула мальчика к себе и, затолкав под него свои ноги, заключила в объятия; очень долго Лука просидел, сжавшись в комок на ее коленях. Мами не пыталась его утихомирить, она просто была рядом и держала его крепко-крепко. Казалось, они угодили в эпицентр бури. Спустя минут пятнадцать, когда худшее миновало, у Луки щипало глаза и он по-прежнему не мог расслабить мышцы, но, по крайней мере, снова дышал. Вдох-выдох, вдох-выдох. Его лицо опухло от слез.

Затем Лидия, одетая в одну из тех длинных футболок, что они купили в супермаркете, поднялась с постели. Лука скорчился от боли. Это мимолетное отчуждение вызвало в нем настоящие физические мучения. Лидия взяла со стола бутылку воды и вернулась к сыну.

– Я здесь, – сказала она. – Я никуда не уйду.

Лука лежал на боку, свернувшись клубком. Мами открутила крышку и глотнула, а потом протянула бутылку мальчику. Ее черные волосы ниспадали беспорядочной волной. Лука замотал головой, но мать настаивала:

– Садись. Попей немного.

Он заставил себя сесть. Лидия приложила к его губам горлышко бутылки и стала понемногу его поить – так же она делала, когда сын был еще совсем маленьким.

– Мне однажды сказали, что единственное, что можно посоветовать человеку в горе, – побольше пить. Все остальное – просто *chingaderas*¹⁷.

Мами снова выругалась! Уже второй раз со вчерашнего дня. Лука вытолкнул горлышко изо рта, сжав губы, и тогда Лидия вложила бутылку ему в руку.

– Попей еще, – велела она.

¹⁷ Зд.: хрень собачья (*исп.*).

Кожа Мами покрылась пятнами, но была сухой; под глазами у нее лежали темные круги. Такого выражения на ее лице Лука никогда прежде не видел и теперь боялся, что оно останется там навсегда. Казалось, будто семь рыбаков поймали ее на свои крючки и теперь тянули в разные стороны. Один крючок был у нее во лбу, второй – в губе, третий – в носу, еще один – в щеке. Искаженное, перекошенное лицо. Она наклонилась к будильнику на прикроватной тумбочке, чтобы проверить время. В этот момент у нее из-под ворота вывалилось обручальное кольцо, и к нему по золотой цепочке скатились три других колечка. На фоне большого кольца Папи они теперь выглядели совсем крошечными. Мами спрятала цепочку обратно под футболку.

– Четыре сорок восемь, – сказала она. – Встаем, да?

Лука ничего не ответил. Он пил воду из бутылки. Лидия собрала свои растрепанные волосы в хвост и, снова поднявшись с постели, включила телевизор. Найдя канал с мультфильмом на английском языке, она сказала:

– Вот. Практикуйся.

На самом деле Луке не нужно было практиковаться. Он и так прекрасно знал английский.

Мами заказала в номер завтрак: яйца с тостами и фрукты. От одной мысли о еде у мальчика скрутило живот, поэтому он решил переключить внимание на что-нибудь другое. Он позволил своему взгляду зацепиться за телевизор, и его тело обмякло. Голова была как чугунная, нос заложило. Он начал тихонько дышать через рот, но, когда Мами зашла в ванную и включила душ, спрыгнул с постели и последовал за ней. Лидия сидела на унитазе, и мальчику пришлось ждать, прислонившись к краешку ванны. Потом настал его черед. Не потому, что ему хотелось, но потому, что он не мог находиться в комнате один. Лука сидел, спустив трусы к лодыжкам, пока не услышал, как выключился душ. Лука встал с места и спустил воду – как раз в тот момент, когда Мами отдернула шторку.

– Тебе тоже стоит помыться, – сказала она, заворачиваясь в полотенце. – Не факт, что в ближайшие пару дней представится такая возможность.

Лука взглянул на мамино отражение в зеркале и мотнул головой. Нет-нет, только не это. Он больше не может сидеть сжавшись в кафельных стенах, пока во дворике у бабушки гремит перестрелка. Мальчик снова помотал головой и зажмурил глаза, но это не помогло. Он опять переживал случившееся; его тело сжималось в судороге, дыхание сбилось. Из него вырывался не то плач, не то визг; он пытался перекрыть грохот стрельбы в своей голове.

– Все хорошо, все хорошо, – зашептала Мами, обнимая его.

И хотя правды в этих словах было немного, Лука цеплялся за них из последних сил.

В конце концов Лидия решила помыть его в раковине мыльной водой и мочалкой, как мыла его совсем малышом. Шея, уши, подмышки, живот, спина, попа, пах, ноги и ступни. Она оттерла всю грязь, засохшую кровь, липкие кусочки рвоты. А потом вытерла чистого ребенка насухо мягким, теплым полотенцем.

Хотя Лидия и Лука ждали официанта с завтраком, стук в дверь заставил их дернуться. Горе сделало их нервными; тишина усиливала каждый звук. Лука нехотя согласился посидеть заперти в ванной, пока Мами будет принимать доставку. Оставшись в одиночестве, мальчик принялся мычать себе что-то под нос, но это не было похоже на напев. Мелодии не получалось. Лидия разрывалась между двумя запертыми дверями. За одной слышалось нестройное мурлыканье сына, за другой – мужской голос, повторявший что-то про доставку и завтрак. Босая, она дрожащими руками отодвинула от прохода стул. Потом потянулась к дверной ручке. Ей хотелось встать на цыпочки и посмотреть в глазок, но как она могла? Что, если по ту сторону она увидит темное дуло пистолета? Если ее и правда ждет такая судьба, то нет, она не будет открывать дверь и приглашать ее войти. Задержав дыхание, Лидия положила ладони по обе стороны глазка. За дверью ждал молодой человек с тележкой, заставленной серебряными подносами. Он был одет в униформу. На его лице темнели рытвины от угревой сыпи. На груди –

беджик с именем: «Иктан». С точки зрения безопасности, все эти факты ничего не значили. Лидия опустила пятки на пол, бесшумно прошла к комоду и достала из верхнего ящика мачете.

– Сейчас открою, минуточку! – крикнула она.

На ней был плотный халат, который она чуть раньше обнаружила в шкафу. Спрятав нож в один из мешковатых карманов, Лидия крепко ухватилась за рукоять. «Ладно», – вслух сказала она самой себе и наконец открыла дверь.

При первом же взгляде на Иктана стало очевидно: он, конечно, не *sicario*. Он едва тянул даже на доставщика еды. Парень стоял, вжав голову в плечи и откашливаясь, и, судя по всему, ему было неловко находиться в гостиничном номере наедине с постоялицей в халате. Отведя глаза, он шагнул мимо нее и поставил поднос на стол с почти виноватым выражением лица. Затем вернулся к своей тележке и протянул Лидии чек на подпись. Она чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы на несколько секунд разжать мачете и расписаться. Поблагодарив молодого человека, Лидия уже почти захлопнула за ним дверь, как вдруг тот сказал:

– Подождите! Чуть не забыл!

В то же мгновение она снова ухватилась за рукоятку ножа, но парень всего лишь протянул ей две пары столовых приборов, обернутых в льняные салфетки.

– А еще... вот это, – добавил он, выудив с нижнего яруса тележки пухлый бумажный конверт. – Внизу попросили, чтобы я принес это вам.

Лидия попятилась назад.

– Что это такое?

– Посылка. Доставили для вас вчера вечером.

Женщина покачала головой. «Никто не знает, что мы здесь. Никто не знает, что мы здесь», – с ужасом повторяла она про себя.

Молодой человек протянул ей пакет, но Лидия не шевельнулась. Она впиалась глазами в коричневую бумагу. Никаких отметок – даже ее имени.

– Хотите, я положу его рядом с подносом? – Молодой человек указал на стол, однако явно не собирался заходить без приглашения.

– Нет. – Лидия понимала, что ведет себя как сумасшедшая, но ей было все равно. – Мне это не нужно.

– Простите?

Она мотнула головой и повторила:

– Мне эта посылка не нужна. Просто выкиньте ее.

Иктан уверенно кивнул – в попытке скрыть озадаченную гримасу. Затем положил пакет обратно и, побрякивая тележкой, зашагал прочь. Когда он поравнялся с лифтами в конце коридора, Лидия вдруг передумала. Она открыла дверь и побежала за ним с криком:

– Стойте!

По возвращении в номер женщина увидела, что Лука выбрался из душа и теперь стоит над подносом с едой, поднимая крышки с блюд. Держа конверт на вытянутой руке, Лидия отнесла его к раковине, а потом аккуратно опустила в ванну на разложенное полотенце. Затем вышла обратно к сыну и закрыла за собой дверь. Взяла только кофе и одним глотком осушила целую чашку, после чего быстро натянула новые колючие джинсы прямо под гостиничный халат.

Лука ел стоя, в одних трусах. Он был страшно голоден, и это чувство казалось ему предательским. Как же так получалось, что его тело по-прежнему требовало пищи? Он запихнул в рот кусочек тоста. Почему масло казалось таким вкусным? Тщательно прожевав, мальчик сглотнул. Краем глаза, не отрываясь от экрана телевизора, он наблюдал за Мами. Заметив, как она скривила губы, Лука решил, что теперь будет о ней заботиться. И больше не будет вести себя как маленький. Он принял это решение без особых раздумий, в одно мгновение, и точно знал, что так оно и будет.

– Мы должны поехать на север, – сказал Лука.

Он подозревал, что именно туда и собиралась отправиться Мама, и таким образом подтверждал, что да, план действительно хороший. Это был единственный способ оказаться на той планете, где никто не сможет их достать.

– Да, – согласилась Мама.

Она стояла в джинсах и банном халате, словно позабыв, что так до конца и не оделась. Казалось, будто Лидия одновременно и очень спешит, и не может пошевелиться.

– Мы поедem в Денвер, – добавила она.

В Денвере жил ее дядя. Прodeв голову в однотонную футболку, Лидия скинула халат и переступила через него. С нее будто содрали кожу, так что даже от мягкого прикосновения хлопка по ее телу забегали мурашки. Растерев плечи, она велела сыну заканчивать с едой и одеваться.

Затем Лидия снова подошла к ванне и внимательно изучила конверт, который по-прежнему лежал на дне. Она не знала, правильно ли поступила, забрав эту посылку. Может, это и неважно. Кто-то уже выяснил, что они здесь, поэтому нужно срочно уходить, – что бы там ни пряталось под коричневой бумагой. За посылным с тележкой Лидия побежала вовсе не из любопытства. Ей не было интересно, что там внутри, но она понимала: отныне безразличие стало роскошью, которую она не могла себе позволить. Если они с Лукой хотят выжить, с этого момента необходимо обращать внимание на любую, даже самую незначительную деталь. Она должна быть начеку, чтобы не упустить ни единой крупички полезных сведений. С этими мыслями Лидия подняла конверт за уголок и внимательно изучила печать. Ничего необычного. Придется вскрывать. Прямо здесь, в ванной? Или, может, лучше отнести на балкон – на случай, если посылка рванет?

– *Carajo!* – выругалась Лидия.

– Мама? Это ты мне? – спросил Лука через дверь.

– Нет, *mijo*. Давай, одевайся!

Она приложила пакет к уху, но ничего не услышала. Ничего не пикало. Не тикало. Тогда Лидия принюхалась, но никакого особенного запаха не учуяла. Подцепив ногтем запечатанный край, Лидия зажмурилась и медленно вскрыла посылку указательным пальцем.

В ее голове барабанил ужас – настолько оглушительный, что она почти не слышала хруста надорванной бумаги. Наконец дело было сделано. Самый обыкновенный коричневый конверт. Из него не высыпался ядовитый порошок. Не вылетело смертоносное облако.

Внутри оказалась книга, перевязанная голубой ленточкой: «Любовь во время чумы» на английском языке. Они с Хавьером как-то раз обсуждали этот роман, один из множества их общих любимцев. Между страницами книги что-то топорщилось. Потянув за ленточку, Лидия развязала узелок, и та упала к ее босым ногам. Ее тело было словно выпущенная стрела, которая еще не вонзилась в цель. Она рассекала воздух, выписывала дугу, подчиняясь законам гравитации. Открыв книгу, Лидия вынула из разворота незапечатанный конверт. Конечно, она знала – еще с того момента, когда во дворе ее матери раздался первый выстрел, – что Хавьер виновен в смерти ее родных. Это казалось столь же невероятным, сколь и очевидным. Однако вплоть до настоящего момента Лидии удавалось не осознавать этот факт до конца. Она понимала: стоит ей принять неопровержимость случившегося, как придется признать и свою вину. Она знала этого человека. Знала. Однако не смогла понять, насколько он опасен; не сумела защитить свою семью. Но пока что думать обо всем этом она не могла – слишком рано. Необходимо было как-то отсрочить момент полного отчаяния. Единственное, что сейчас имело значение, – Лука. Ее Лука. Он по-прежнему находился в опасности.

– Одевайся! – снова крикнула Лидия, и ее голос взмыл вверх по незнакомой траектории.

Она полистала книгу; один отрывок был подчеркнут карандашом. Овдовевшая героиня, Фермина Даса, пытается смириться с утратой мужа и неожиданно встречает Флорентино Арису – человека, которого отвергла пятьдесятю годами раньше.

«Фермина, – сказал он, – полстолетия я ждал этой возможности: еще раз повторить клятву в вечной моей к тебе любви и верности»¹⁸.

Лидия отшвырнула книгу прочь, и та кувырком улетела обратно в ванну. В руках у нее остался конверт, и на мгновение она задумалась: может, его тоже выбросить? Оставить в ванной вместе с книгой? Но нет, ей требовалось знать, что говорится в письме. Живот у нее крутило. Лидия вытащила открытку с изображением белых лилий и надписью: «*Mi mas sentido pésame*»¹⁹. На другой стороне – знакомый почерк:

Lydia.

Hay sangre en tus manos también. Lo siento por tu dolor y el mío. Ahora estamos destinados a permanecer eternamente unidos por este pesar. Jamás imagínate este capítulo para nosotros. Pero no te preocupes, mi reina del alma – tu sufrimiento será breve.

Javier

Лидия.

Твои руки тоже в крови. Сожалею, что тебе и мне пришлось страдать. Теперь мы навечно связаны общим горем. Я никогда не думал, что нам уготована эта участь. Но не отчаивайся, владычица моей души, – твои мучения продлятся недолго.

Лидия выпустила открытку из рук. Та упала в унитаз и сразу потемнела. Лидия и сама не знала, на что надеялась, открывая этот конверт. Что бы ни написал Хавьер, теперь его слова уже ничего не изменят. Сколько ни трать чернил и бумаги, они не вернут ее мать и мужа. Никакие извинения и объяснения не оживят мозг Йенифер, не втолкнут ее душу обратно в тело. От этой девочки пахло сладким грейпфрутом, а теперь ее нет. Лидия попыталась подавить рыдания с помощью английского ругательства, которое ей никогда не нравилось: «*Fuck!*» Это помогло, и женщина повторила слово еще раз, а потом еще и еще. Возможно, она надеялась, что письмо Хавьера что-то прояснит. Она перечитала открытку, плавающую в унитазе; чернила уже начали растекаться. Ей стало жутко от того, как хорошо знаком ей этот почерк. Женщина изо всех сил старалась осмыслить случившееся, и от напряжения у нее закружилась голова.

Совершенно ясно было только одно: Хавьер знает, где они находятся. Времени паниковать и обдумывать ситуацию у Лидии не было. Требовалось увезти Луку как можно дальше отсюда. Прямо сейчас. Им нужно бежать. Распахнув дверь ударом ноги, Лидия еще раз шикнула на сына, чтобы тот поскорее одевался. Мальчик не ответил, и, подняв глаза, она обнаружила, что Лука уже почти готов: он сидел на стуле в своих новых джинсах и красной отцовской бейсболке и натягивал носки.

– *Ándale*²⁰, – сказала Лидия. – Молодец.

Расправившись с одним носком, Лука потянулся к подносу за едой, и Лидия тут же рванула к нему. Она выбила из его руки кусок хлеба, и тот шлепнулся на пол.

– Мами! – оторопел Лука.

Лидия покачала головой:

– Не ешь это. Ничего здесь больше не ешь.

---

¹⁸ Пер. Л. Синянской.

¹⁹ Мои глубочайшие соболезнования (*исп.*).

²⁰ Давай живее (*исп.*).

Мальчик молчал.

– Это небезопасно.

Она подумала: может, затащить Луку в ванную и засунуть два пальца ему в рот? Но времени уже не было. Все их вещи Лидия затолкала в красный саквояж и два рюкзака. Она даже не успела надеть лифчик. Некогда. Ее волосы не успели высохнуть, и на футболке образовался влажный полукруг. Всунув босые ноги в золотистые кроссовки матери, Лидия закинула на плечи рюкзак и взяла саквояж.

– Готов? – спросила она.

Лука молча кивнул и взял второй рюкзак – тот, что они купили в супермаркете.

– А теперь – очень тихо, – предупредила Лидия. – Ни звука!

Лука сжал губы.

У выхода Лидия остановилась, приложила ухо к двери и прислушалась. Наконец, прижав сына к стене, она открыла дверь одним резким ударом. В коридоре было пусто и тихо, только слышно было, как у постояльцев напротив работает телевизор. Лидия взяла Луку за руку и вытащила из номера. Закрывая дверь, подсунула в проем полотенце, чтобы не щелкать замком. Стараясь не шуметь, они побежали к служебной лестнице, как вдруг в дальнем конце коридора звякнул лифт. Лидия пихнула сына в двери, сама рванула за ним. Семью этажами ниже Лука наконец спрыгнул на последний лестничный пролет; она бежала за ним, перепрыгивая через две-три ступеньки.

6

Со служебной лестницы они попали на небольшую парковку позади кухни; мусорные баки у дверей дышали горячей вонью. Лидия сказала Луке, что все будет в порядке, нужно только сохранять спокойствие и действовать быстро. Нельзя терять голову. Невдалеке тянулась живая изгородь, скрывавшая от гостей подноготную туризма; пробравшись сквозь нее, они ступили на ухоженную дорожку, петлявшую среди сверкающих бассейнов до самого пляжа. Лидия держала ухо остро, опасаясь погони, но пока что было слышно только, как океан хриплым голосом приветствует берег. Палатка с полотенцами пока не работала, но к ней уже направлялся мужчина с тележкой. Когда Лука и Лидия поравнялись с ним, тот предложил им полотенце; улыбнувшись, женщина взяла одно и накинула себе на плечи.

– Спасибо, – сказала она и попросила второе полотенце для Луки.

Выйдя на песок, мать и сын скинули обувь и постарались изобразить из себя обычных отдыхающих. Через несколько минут они успешно добрались до территории соседнего отеля. Там они обулись, зашли в фойе через заднюю дверь и устремились к парадному входу, по дороге оставив свои полотенца на одном из шезлонгов. Проскочив горшки с пальмами, они оказались среди официантов, разносивших апельсиновый сок, и ароматов свежесваренного кофе; Лидия прихватила два маффина с бесхозного подноса. У парадных дверей ждал маршрутный автобус, и Лидия с Лукой забрались внутрь. Проезжая гостиницу «Дукеса Империял», Лидия выглянула в окно и увидела на парковке три черных джипа. Она сжала в руке обручальное кольцо Себастьяна, висевшее на золотой цепочке, и стала перебирать три сцепленных колечка.

Как Хавьер их нашел? И зачем? Возможно, он просто пытался до смерти ее напугать? Помножить горе на ужас? Обесценить ее страдание своим отвратительным, извращенным сочувствием? Понять, чем он руководствуется, было невозможно. Взять хотя бы тот абзац из книги – умерший муж, вульгарное объяснение в любви. Неужели Хавьер не помнил, что происходит дальше? У Фермины Дасы это признание вызвало лишь отвращение, она вытолкала мужчину на улицу с проклятиями, пожеланиями скорейшей смерти и наказом больше никогда не возвращаться. Лидия ничего не понимала.

На мгновение – лишь на одно короткое мгновение – она задумалась, не попросить ли водителя остановиться. Она представила, как подойдет к одному из тех джипов и постучит в окно со стороны водителя. Как отыщет Хавьера, где бы тот ни находился, впервые увидится с ним за пределами своего магазина. Возможно, она его обнимет, отдастся на его милость, потребует объяснений. Возможно, будет молить поскорее покончить со всем этим. А может, будет колотить и пинать его, а потом выхватит мачете, исполосует его лицо, перережет глотку. Но затем Лидия взглянула на сына, и все эти мысли растворились без следа. Она ехала в душном автобусе; на ее сиденье было что-то липкое. Призрак леденца, оставленного каким-нибудь ребенком. Рядом сидел Лука, и Лидия собиралась защищать его любой ценой. Только это теперь имело значение. Впереди автобуса на перекрестке медленно катил черный джип.

– Вы не могли бы отвезти нас на автовокзал? – спросила Лидия у водителя.

– Мне запрещено отклоняться от маршрута, – ответил тот.

– Но ведь кроме нас тут никого нет, а автовокзал совсем близко. Никто не узнает.

– *GPS* узнает. – Водитель показал на экран, встроенный в приборную панель. – От отеля к вокзалу ходит другой автобус. Этот едет в торговый район. Вам нужно вернуться и сесть на другой автобус.

– Пожалуйста, – взмолилась Лидия. – Я вам заплачу.

Вместо ответа водитель ударил по тормозам и распахнул дверь. Метнув в него злобный взгляд, Лидия все же собрала вещи и, пропустив Луку вперед, вышла на улицу. Магазины еще не работали, и на улицах не было ни души. Автобус закрыл двери и медленно двинулся с места.

Мать с сыном стояли на широком, пустынном бульваре. До автовокзала было всего полмили, они могли пойти пешком, но Лидии этот путь казался невозможным, словно им предстояло пересечь поле битвы без брони и оружия. Она умело прятала свой страх, но Лука все равно ощутил его в скользкой холодной ладони матери.

Дорога до автовокзала напоминала Луке какую-то безумную версию игры *Crossy Road*, где им с Мами приходилось не уворачиваться от такси и грузовиков, а прятаться от наркоторговцев, которые сидели в джипах с тонированными стеклами. Непреходящая угроза обстрела снова грохотала в сознании Луки, словно неожиданно появившийся поезд.

– Не волнуйся, – сказал он Мами. – Если кто-то и вправду нас ищет, он поедет к главному автовокзалу, так? Откуда им знать, что мы тут, в Диаманте?

Лука не знал про посылку, но Лидия улыбнулась тому, как логично он рассуждает.

– Вот и я так думаю. Умница.

С этими словами она опустила козырек красной бейсболки сыну на лицо. Шагал он слишком быстро.

– Не торопись так, – сказала Лидия. – Мы должны идти как обычно.

– Но обычные люди тоже иногда опаздывают на автобус, – ответил Лука, подергиваясь.

– Автобусы ходят часто.

В семь минут седьмого Мами купила в кассе два билета до Мехико в один конец; до отправки автобуса оставалось тринадцать минут. Автовокзал был современным зданием, почти полностью из стекла; и хотя солнце еще не встало, небо уже посветлело и Лука сумел разглядеть очертания машин на парковке. Там стоял только один джип, на первый взгляд пустой. Но внутри мог кто-то находиться: может, он откинул сиденье и спит на работе. Пока Мами забирала у кассирши сдачу, Лука внимательно изучал джип. Сейчас, утром воскресенья, все автобусы до Мехико будут забиты семьями, спешащими домой после выходных на море. Лука с Мами вполне сойдут за такую семью. В зале отправлений уже собралась кучка непоседливых детей, которые щебетали и нарезали круги подле сонных родителей со стаканчиками кофе в руках.

Мами отвела Луку в женский туалет и велела зайти в кабинку для инвалидов и встать ногами на унитаз. В обычных обстоятельствах она бы отругала его за такое поведение. Мальчик был почти уверен, что на вокзале их никто не заметил, – он внимательно смотрел на лица окружающих, – но если кто-то за ними наблюдал, если этот кто-то выследил их сначала до вокзала, потом до женского туалета и, наконец, до кабинки для инвалидов, то стоять на унитазе, прислонившись спиной к стене, – идея как будто не самая удачная. Лука уперся ладонями в коленки и попытался унять дрожь. Мами сняла с плеч рюкзак и положила его в угол; красный саквояж она повесила на дверной крючок. В поисках носков она перерыла сумку почти до дна. Носки соединяла пластиковая петелька, которую Мами разорвала пальцами. Лука не знал, как она это делает. Ему всегда приходилось разрезать петельку ножницами. Мами не выглядела особенно крепкой, но мальчик знал, что она очень сильная, потому что она всегда рвала эти петельки как нечего делать. Потом она достала из саквояжа лифчик и кое-как натянула его под футболкой. Застегнув на ногах золотистые кроссовки, Мами повернулась к Луке спиной: чтобы ее мыски смотрели в правильную сторону, на случай если кто-то решит заглянуть под дверь кабинки. Кроме них, в туалете никого не было, но Лука все равно разговаривал шепотом – так они смогут услышать, если кто-то откроет дверь.

– Мы едем в Колорадо, да?

Лидия кивнула, и мальчик обвинил ее шею руками.

Опустив подбородок ей на плечо, он сказал:

– Отличный план.

– Никому и в голову не придет искать нас там.

Уставившись на саквояж, висевший перед ней на дверном крючке, Лидия пыталась вспомнить, не упоминала ли Денвер в разговорах с Хавьером. С другой стороны, зачем? Она там никогда не бывала и не видела дядю много лет – с тех пор, как была еще ребенком.

– К тому же это далеко, – сказал Лука.

– Да, – ответила Мама. – Очень далеко.

На самом деле мальчик точно знал, как далеко от Акапулько находится Денвер (почти две тысячи миль, если ехать на машине). Знал он это потому, что был наделен абсолютным чувством местности – так же, как некоторые обладают абсолютным слухом. Он с рождения ощущал свое положение на планете, словно у него был встроенный *GPS*, который помогал Луке прокладывать путь через вселенную. Стоило ему однажды увидеть какое-то место на карте, как оно навсегда впечатывалось Луке в память.

– Я пропущу олимпиаду по географии, – вздохнул мальчик.

Он готовился к ней полгода. Школа заплатила шестьсот песо за его участие в международном конкурсе, потому что учитель Луки верил: тот привезет домой главный приз – десять тысяч долларов.

– Мне очень жаль, *mijo*, – ответила Лидия и поцеловала сына руку.

– Да какая теперь разница. – Мальчик пожал плечами.

Еще два дня назад эта олимпиада была важнейшим событием в жизни семьи; теперь же она казалась совершенным пустяком – как и все остальные дела, которые Лидия раньше записывала себе на листок. Заполнить церковную заявку для причастия Луки. Заплатить за воду. Отвезти мать к кардиологу. Купить подарок на день рождения Йенифер. Пустая трата времени. Лидия почувствовала раздражение, оттого что ее племянница не увидит подарок – музыкальную шкатулку. Она так дорого стоила! Это была дикая, отвратительная мысль, но Лидия не могла ее отогнать. И даже не стала себя упрекать; она милосердно простила свой поломавшийся мыслительный аппарат.

Лука зашептал Лидии на ухо:

– Население Денвера составляет почти семьсот тысяч человек. Город располагается к востоку от подножия Скалистых гор, в связи с чем получил прозвище Город на высоте мили. – Мальчик вспоминал текст из учебника по географии. – Столица штата Колорадо. Около четверти населения – выходцы из Мексики.

Лидия сжала плечо сына и провела рукой по его черным волосам. Два года назад, летом, его стойкий интерес к географическим картам стал превращаться в одержимость, и тогда Лидия нашла ему занятие в своем книжном, в отделе путеводителей и атласов. Удивительно, но еще совсем недавно жизнь в Акапулько была ключом: туристы, магазины, музыка, море... По пляжу скакали сизые голуби. Гигантские круизные лайнеры ссаживали на берег тысячи обутых в кроссовки туристов, чьи карманы были набиты деньгами, а кожа лоснилась от солнцезащитного крема. Их доллары оседали в местных барах и ресторанах. Заполняли кассовый аппарат книжного магазина. Туристы покупали путеводители и карты, серьезные книги и бульварные романы, брелоки и крошечные склянки с песком, которые Лидия держала рядом с кассой в огромном пузатом аквариуме. О, все они обожали Луку. Она сажала его на табуретку, как куклу, и тот на чистом английском рассказывал о тех местах, откуда приехали покупатели. Ему было шесть лет. Вундеркинд.

– Население Портленда составляет шестьсот сорок тысяч человек. Город расположен на пересечении двух рек: Колумбии и Уилламетта, – и является крупнейшим населенным пунктом и столицей штата Орегон. Основан в 1851 году, на шестьдесят пять лет позже своего восточного тезки в штате Мэн.

Генри из Портленда, штат Орегон, смотрел на Луку с открытым ртом.

– Марж, поди сюда! Ты должна это увидеть! Ну-ка, еще раз!

Когда к ним присоединилась жена Генри, Лука повторил свою речь.

– Невероятно! Пацан, да ты талант! Марж, дай ему денег.

– А ты не выдумал все это? – скептически спросила туристка, но все же полезла в кошелек за мелочью.

– Нет, он же сказал названия рек, – вступился за Луку мужчина. – Как такое выдумаешь?

– Все по-настоящему, – подтвердил Лука. – Просто у меня хорошая память. Особенно на карты и всякие места.

– Что ж, в таком случае Генри прав: это невероятно! – Женщина дала ему доллар. – А какой замечательный у тебя английский! Где ты научился так хорошо говорить?

– В Акапулько, – ответил Лука. – Ну и Ютьюб помог.

Лидия молча наблюдала за происходящим и чувствовала гордость – просто неприличную гордость. Настоящее самодовольство. Какой же идеальный был у нее ребенок: такой умный, образованный, веселый и красивый. Она учила его английскому почти столько же, сколько он говорил по-испански. Лидия знала: в туристическом городе мальчику всегда пригодится второй язык. Очень скоро Лука превзошел мать в познаниях, и тогда они стали учиться вместе – через компьютер и телефон. Сериалы, Ютьюб, «Розетта Стоун». Они часто болтали по-английски между собой, если рядом не было Себастьяна; иногда переходили на английский при нем, притворяясь, будто что-то от него скрывают. Друг на друге они испытывали новый сленг. Лидия звала сына *dude*²¹, а тот в ответ называл ее *shorty*²². Марж и Генри остались под впечатлением от деловитого обаяния Луки и на следующий день привели в книжный своих друзей с круизного лайнера. Туристы давали мальчику доллар за рассказ о каждом новом городе. В тот день Лука заработал тридцать семь долларов и мог бы заработать больше, если бы туристам не пришлось возвращаться на корабль.

Так что да, к олимпиаде по географии они с сыном шли почти два года. Но сейчас Лидия не могла думать о подобных тонкостях, о нарушенной логистике ее жизни. Ее мозг отказывался вмещать все эти подробности. Даже самые важные, основополагающие факты теперь оказалось невозможно постигнуть. Неожиданно в туалете открылась дверь. Она не скрипнула, и все же мать и сын сразу поняли, что кто-то вошел: на секунду вокзальный шум стал громче, а потом снова стих. Оба задержали дыхание. Лука по-прежнему висел у матери на шее, и та крепко сжала его руки. Мальчик вцепился в ее запястья – так сильно, что подушечки его пальцев пожелтели. Лидия не шевелилась. Лука зажмурил глаза. Через мгновение в соседней кабинке щелкнул замок. Какая-то пожилая женщина откашлялась. Лука почувствовал, что из груди матери выходит воздух, как из надувного шарика. Он прижался губами к ее щеке.

Покончив со своими делами, дама из кабинки сполоснула руки, а потом, глядя в зеркало, сделала сама себе комплимент. Настало время возвращаться в зал отправлений. Лука понимал, что сидеть в туалете вечно они не могут, и все же, когда Мама открывала дверь, его сердце колотилось как бешеное. Пора было садиться в автобус. Шагая по фойе, Лука наблюдал за лицами людей, которых они с матерью оставляли позади: безупречно одетая женщина с темной подводкой вокруг губ стояла за прилавком; мужчина в бумажной шапочке продавал кофе; пара с беспокойным младенцем ждала последнего момента, чтобы войти в автобус. На стене висел телевизор, и на экране Лука сначала увидел чопорного ведущего, а потом – маленький домик бабушки. На ветру трепетали, провисая, желтые полицейские ленты. Показали крупным планом распахнутую калитку, потом задний дворик и фигуры родственников Луки, завернутые в черный пластик; угрюмые полицейские сновали туда-сюда, склонялись к земле, стояли на месте, почесывали головы, дышали – словом, делали все то, что обычно делают люди, вынужденные находиться рядом с трупами. Мальчик сжал руку матери, но не для того, чтобы привлечь ее внимание, а чтобы случайно не закричать. Глядя вперед, Мама тащила его за собой по

---

²¹ Чувак (англ.).

²² Коротышка (англ.).

блестящей кафельной плитке, но теперь пол под ногами казался мальчику вязким, словно песчаный берег во время прилива. Лука ждал, что в стену вокзала вот-вот с треском ударит пуля. Что разбитое стекло дождем рухнет вниз. Но вот его нога ступила на тротуар, окрашенный в лиловые тона рассвета. Его белые кроссовки казались теперь почти голубыми. В очереди перед ними стояли всего два человека. Один человек. Мами подтолкнула Луку вперед и поднялась вслед за ним, прижимаясь сзади к его рюкзаку; они пробрались вглубь салона через торчавшие на пути коленки и локти. Когда мальчик повалился на мягкое сиденье и Мами плюхнулась рядом с ним, он испытал невероятное облегчение и благодарность, каких никогда прежде не знал.

– Получилось, – прошептал он.

Мами разомкнула губы, не разжимая зубов. На ее лице не было ни тени облегчения.

– Да, *mijo*, – ответила она.

Уложив голову сына к себе на колени, Лидия принялась гладить его по волосам и гладила до тех пор, пока мальчик не уснул; постепенно набирая скорость, их автобус взял курс на север и покотил по виадуку Диаманте.

7

Выбраться живыми из Акапулько – уже победа, и Лидия это понимала. Да, им удалось прорваться сквозь первую преграду. Однако, зная, как далеко простирается влияние *хефе* и «Лос-Хардинерос», Лидия, в отличие от сына, не ощущала облегчения: ей по-прежнему было страшно. Опустив голову, она с опаской глядела в окно.

Только поженившись, они с Себастьяном часто ездили в Мехико на выходные, где сливались с толпой туристов. В Мехико оба закончили колледж, там же они и познакомились. И хотя им не хотелось жить в столице, им нравилось, что ездить туда довольно близко. В те времена штат Герреро казался безопасным, обособленным. Конечно, в Мексике и тогда водились наркоторговцы, но в то время они представлялись такими же далекими, как «Аль-Каида» или Голливуд. Вспышки насилия случались точно и лишь в отдаленных регионах: в Сюдад-Хуаресе, в Синалоа, потом в Мичоакане. Акапулько, окаймленный морем и горами, долгое время жил без забот под надежным куполом туризма. Соленый воздух, раскатистые крики чаек, большие темные очки, порывы ветра на бульварах, трепавшие женские волосы вокруг загорелых лиц, – все это усиливало иллюзию неприкосновенности.

Путь из Акапулько в Мехико обычно занимал у них всего четыре часа с небольшим, потому что Себастьян гнал машину как сумасшедший – по нежным извилам серпантина, вверх и вниз по живописным холмам. И хоть его манера водить вызывала некоторые сомнения, все всегда заканчивалось благополучно. За окном мелькали пейзажи: далекие горные пики, обрамленные солнечными лучами, облачные навесы, набегающие на вздыбленную землю, крыши и шпили парящих деревень. Сидя рядом со своим молодым мужем, в их маленькой оранжевой машинке, Лидия чувствовала себя в безопасности. Обычно они останавливались в Чильпансинго, чтобы выпить кофе и перекусить. Иногда к ним присоединялись друзья – сосед Себастьяна по университетскому общежитию, его жена и ребенок, которому Себастьян приходился крестным отцом. Спустя два часа они добирались до Мехико и, побросав свои вещи в каком-нибудь дешевом отеле, часами гуляли по городу: музеи, концерты, рестораны, танцы, витрины дорогих магазинов, парк Чапультепек. А иногда они оставались в номере, и Себастьян – потный, счастливый, запутавшийся в простынях – шептал в черные волосы жены, что можно было бы остаться дома – сэкономили бы деньги.

Теперь, сидя в автобусе, Лидия откинулась на спинку сиденья. Уму непостижимо, что этим воспоминаниям уже десять лет. Уму непостижимо, что Себастьяна действительно больше нет. Что-то с чудовищной силой рвануло у нее в груди. Лидия взглянула на спящего сына и провела подушечками пальцев по нежному изгибу его уха. В последние годы все стало стремительно ухудшаться. Акапулько всегда тяготел к сумасбродству, и грехопадение города было обставлено с вызовом. Картели рацветили улицы красным.

Автобус катил мимо сторбленных деревьев и покрытых шрамами скал, и Лидия поняла, что они уже достигли Окотито. Она молилась, чтобы по пути в Мехико им не встретился блокпост, хотя прекрасно знала, что это невозможно. Еще до развала Акапулько блокпосты наводили ужас по всей стране, и Герреро не был исключением. Их ставили банды, или наркоторговцы, или полицейские (которые также могли быть наркоторговцами), или солдаты (тоже, вероятно, наркоторговцы), или – в последнее время – так называемые *Autodefensas* – вооруженные дружины, созданные жителями некоторых городов для защиты от картелей. *Autodefensas*, разумеется, также могли состоять из наркоторговцев.

Блокпосты встречались разные: от просто неудобных до по-настоящему опасных для жизни. Из-за последних Себастьян с Лидией перестали регулярно ездить в столицу вскоре после рождения сына; именно из-за этих блокпостов Лука бывал в Мехико всего один раз, совсем маленьким, так что ничего не помнил; из-за них Лидия не стала продлевать свое води-

тельское удостоверение, истекшее двумя годами ранее. Из Акапулько они выбирались редко; к тому же Лидия, подобно любой другой жительнице неблагополучного штата, не ездила на машине одна. С недавних пор Лидию это стало раздражать, хоть и чисто умозрительно; это ущемляло ее женскую независимость. Однако теперь ей на шею словно бы накинули вполне реальную петлю. У них получилось сбежать из Акапулько, да, но они по-прежнему оставались заперты в Герреро; Лидия чувствовала, что блокпосты маячат на периферии ее сознания, все теснее сжимаясь в кольцо.

Стараясь не разбудить Луку, женщина развернула карту и прижала верхний край к сиденью перед собой. Глядя на разветвленные, как кровеносные сосуды, дороги, Лидия вдруг осознала всю тщетность своих усилий. Если бы только их тела могли перемещаться по дорогам так же легко и безопасно, как ее палец, следующий по маршруту на карте. Будь блокпосты отмечены на картах, их иконкой стала бы небольшая винтовка. Но их не отмечали, потому что они все время перемещались, сохраняя таким образом эффект неожиданности. Лидия знала, что на каждой дороге, ведущей отсюда и до Мехико, располагался как минимум один блокпост «Лос-Хардинерос». Она знала, что парни, дежурящие на блокпостах, будут искать именно ее и Луку. Кое-кто из них наверняка окажется достаточно жестоким и амбициозным и будет искать с усердием. Интересно, какая награда ждет того, кто доставит ее – целиком или по кусочкам – Хавьеру?

Лидия хотела свернуть карту вдоль уже размеченных сгибов, но ей не хватило терпения, так что она просто свернула ее и запихнула в карман переднего сиденья. Она пыталась размышлять трезво, рассмотреть доступные варианты. Почти все, к кому она могла обратиться, были мертвы; да и вообще, просить друзей о помощи в подобной ситуации – все равно что явиться к ним на кухню в поясе смертника. Одним своим присутствием Лидия подвергала окружающих такому риску, что, казалось, даже думать об этом было слишком эгоистично. Не секрет, что Чильпансинго кишел подельниками «Лос-Хардинерос», но чтобы избежать засады, им придется сойти именно там. Только что, садясь на автобус, Лидия чувствовала себя победительницей, но теперь она боялась, что совершила ошибку. Возможно, они направлялись напрямиком в ловушку. Наблюдая за тем, как у спящего Луки поднимается и опускается грудная клетка, Лидия старалась дышать в унисон.

В детстве она обожала книги из серии «Выбери себе приключение». В конце каждой главы нужно было решить, что делать дальше. Хочешь поехать на велосипеде? Перейди на страницу двадцать три. Отправляешься вслед за незнакомцем? Перейди на страницу сорок два. Всякий раз, когда Лидию не устраивала развязка – а иногда даже если устраивала, – она возвращалась обратно и выбирала что-нибудь другое. Ей нравилось, что в ее силах пересмотреть собственные решения; нравилось, что все можно изменить, что всегда можно вернуться в начало и попробовать еще раз. Однако порой все оказывалось бессмысленным, и книжный лабиринт всегда приводил ее к одному и тому же результату, какие бы решения она ни принимала. Сегодня они с Лукой решили сесть на автобус, отправлявшийся из Диаманте в шесть двадцать утра. Лидия закрыла глаза и стала молиться, чтобы этот выбор оказался правильным.

Когда автобус подъезжал к Чильпансинго, Лука проснулся. Со своего места в середине салона Лидия с трудом могла что-либо разглядеть, но все равно пыталась. Она отклонилась в проход, высматривая впереди блокпост. Прислонившись лбом к грязному стеклу, Лука выглянул наружу, а потом ткнул куда-то пальцем.

– Мама, смотри! Что это такое? – зевая, спросил он.

Над ними по горному хребту тянулись домики, объединенные в группы по разным цветам: красные, синие, зеленые, фиолетовые.

– Это просто дома, милый.

– Обыкновенные дома?

За окном занималось ясное утро. Они ехали уже почти два часа.

- А почему они такие разноцветные? – снова спросил Лука.
- Наверное, просто для красоты.
- Они похожи на легио.

Всякий раз, когда автобус дергался, поворачивал или сбрасывал скорость, у Лидии перехватывало дыхание, но пока что они продолжали ехать без остановок. Никакие люди с винтовками не возникали на шоссе перед ними. И вот уже по обеим сторонам узкой улицы появились дома. Они с Лукой добрались до Чильпансинго. Лидия перекрестилась, а потом начертила пальцем маленький крестик на лбу сына. Они свернули к знакомой постройке – миниатюрной версии автовокзала в Акапулько. Автобус остановился, послышалось икание тормозов. Водитель поднялся из-за руля и объявил сквозь густые усы: «Остановка пять минут».

Некоторые пассажиры встали со своих мест, чтобы немного размяться. Кое-кто впереди вышел на улицу покурить. Но только Лидия и Лука собирали вещи на выход. Все остальные ехали в столицу.

- Мы что, выходим, Мама? – спросил Лука.
- Да, *mi amor*.

Но, уже закинув на плечи рюкзак, она замерла в узком проходе возле своего сиденья, посмотрела на лохматую макушку сонного Луки и подумала: не стоит ли все-таки попробовать? Затаиться в этом автобусе, среди других пассажиров, и как-нибудь перетерпеть до Мехико? Может, у них и получится. Может, блокпост по дороге в столицу окажется безобидным. Короткая остановка, пачка купюр, ленивый взмах руки: «Проезжайте». Тук-тук, два удара по обшивке, и вот они уже снова в пути. У Лидии в груди всколыхнулась надежда. В этот момент их водитель вышел из автовокзала и поднялся обратно в кабину. В дверь стали заходить новые пассажиры, и мужчина по очереди проверял у них билеты.

- Мама?
- Пошли.

Когда тень автобуса скользнула по тротуару прочь, они оказались в слепящем дневном свете Чильпансинго. Лидия чувствовала одновременно облегчение и разочарование. Ей пришлось напомнить себе, что до сих пор она справлялась не так уж плохо: от эпицентра катастрофы их теперь отделяли девятнадцать часов и шестьдесят восемь миль. С каждой новой минутой, с каждой новой милей их шансы на выживание повышались. Нужно довольствоваться малым. Нельзя отчаиваться перед лицом предстоящей неразрешимой задачи. Необходимо сосредоточиться на насущных делах. Найти друга Себастьяна по колледжу.

Заметив, как болтается рюкзак ее сына, Лидия подтянула ремни на его плечах. Мальчик напоминал черепаху с панцирем не по размеру, однако же ему удавалось прятать самые уязвимые места. Кто знает, как подавление эмоций скажется на нем впоследствии.

– А что теперь? – спросил Лука безжизненным тоном, который теперь, кажется, стал для него привычным.

- Давай поищем интернет-кафе.
- Но у тебя ведь есть папин планшет?

Выключенный планшет лежал на дне ее рюкзака, но Лидия не собиралась его включить. Сим-карта ее собственного мобильного осталась в мусорном баке рядом с банком на Плайя-Калетилья. Когда Лидия выковыривала ее ногтем, ей казалось, что она теряет рассудок от паранойи; однако ей не хотелось превратиться в голубую точку на чьем-то далеком вражеском экране. Опустив козырек бейсболки на лицо сына, она подумала, что, может, и ей стоит купить себе такую же.

- Пойдем, – сказала она.

В только что открывшемся кафе «Эль-Каскабелито» Лидия заплатила за кофе и пятнадцать минут изучения онлайн-карт. Луке она купила *platanitos* – банановые чипсы, но блестящая зеленая упаковка осталась нетронутой. Они сели за компьютер в дальнем углу; возле него

стояли два стула, а небольшая ширма прятала мать и сына от глаз новых посетителей. Лука забрался на сиденье с ногами и опустил подбородок на колени; Лидия изучала что-то на экране, а мальчик рассеянно смотрел на чипсы. Оказалось, что добраться в Мехико из Чильпансинго можно только двумя путями, и на обоих почти наверняка стояли блокпосты. Лидия покусывала щеки, чувствуя, как ее колени нервно вздрагивают под столом. Дойти пешком у них тоже не получится. Она никогда не страдала клаустрофобией, но сейчас чувствовала себя запертой в ловушку. Это ощущение сквозило в теле, вызывая паническое желание вытянуть руки и ноги. У них с Лукой не было никакого выхода. *Но паника им не поможет.*

Лидия зашла на Фейсбук и отыскала там друга Себастьяна. Тот работал юристом, и на его странице было указано название фирмы, но в воскресенье их офис, конечно, закрыт. Тогда Лидия залезла во вкладку «Информация» и стала просматривать его отметки «Нравится»: местная газета, несколько благотворительных организаций, альма-матер, кроссовки «Адидас», целая куча страниц о футболе. И наконец – вот оно, бинго: пятидесятническая церковь в Чильпансинго. Начало службы в девять утра. Лидия проверила адрес: церковь находилась примерно в двух милях от интернет-кафе. Доехать туда можно было на автобусе, на который Лука с Лидией и сели двадцать минут спустя.

Поначалу Лидия испугалась, что неправильно записала адрес: выйдя на остановке, по обеим сторонам улицы она увидела лишь длинные ряды магазинов, закрытых на выходной. Нужный им дом был стиснут между ювелирной лавкой и магазином электроники. Лидия как раз собиралась перепроверить адрес, записанный на бумажке, когда к дому подошел молодой человек с детской коляской и открыл дверь для своей беременной жены. Лидия успела заглянуть внутрь и увидела ряды раскладных стульев и большую сцену. И тут Лука дернул ее за рукав и указал на знак в окне: *Iglesia Pentecostal Tabernáculo de la Victoria*²³. У здания не было ни шпиля, ни витражей, но это точно было оно.

Помещение оказалось неожиданно просторным, с низкими потолками и вентиляторами вдоль стен. На сцене стояли барабанная установка и усилитель; за кафедрой виднелись гигантские колонки. У входа не было ни распятия, ни кропильницы, но Лидия все равно по привычке перекрестилась, и Лука поступил так же. Она ожидала, что после этого к ней придет какое-то новое чувство – трепет от шепота легиона новорожденных ангелов или постыдный гнев на Бога. Но она ничего не ощутила; ее душа иссохла, словно перекати-поле. *Un desierto del alma*²⁴. Лидия могла вместить в себе только страх.

Они сели в последнем ряду, возле стены, и Лидия затолкала их рюкзаки под стулья. Потом прикрыла лицо ладонями и велела сыну сделать то же самое – но не в знак смирения, а ради маскировки. Мало ли, вдруг местные «Лос-Хардинерос» исповедуют пятидесятничество: по понедельникам торгуют наркотиками, по четвергам режут людей, а по воскресеньям ходят в церковь замаливать грехи. После всего, что случилось, Лидию это не удивило бы.

Сквозь переплетенные пальцы она следила за квадратом солнечного света на плитках пола, который становился ярче всякий раз, когда кто-то заходил через стеклянную дверь внутрь. Некоторые прихожане, заметив Лидию и Луку, легонько кивали в знак приветствия, но большинство не глядя проходили мимо и рассаживались по своим обычным местам.

Когда в дверях возник Карлос – вслед за своими детьми и женой, – церковь уже была заполнена наполовину. Жена Карлоса обнимала и приветствовала знакомых. Она говорила не как мексиканка, а как американка: резкий голос пронзал почтительно-приглушенные беседы собравшихся. Лидия привстала и помахала Карлосу рукой, но тот ее не видел. Зато ее заметил их младший сын. Мальчик указал отцу на Лидию, и Карлос обернулся.

---

²³ Пятидесятническая церковь «Алтарь Победы» (исп.).

²⁴ Пустыня души (исп.).

– Боже мой, Лидия, что ты тут делаешь? – Этот вопрос достиг Лидии еще прежде, чем мужчина оказался рядом. Вскоре Карлос пробрался к ним через длинные ряды стульев. Они обнялись.

– Как же я рад тебя видеть! Вот так сюрприз!

Лука молча наблюдал, как этот незнакомый мужчина поцеловал Мами в обе щеки и взял ее за руки.

– А это, наверное, Лука. – Он склонился к мальчику, сидевшему на стуле. – Как же ты похож на *papi*! – Карлос выпрямился. – Но где же Себастьян? Ты что, одна приехала?

– Так ты еще не знаешь. – Голос Мами звучал отрешенно.

Даже не глядя на Карлоса, Лука точно знал, что тот изменился в лице и побледнел до болезненной серости, что он уже начал выстраивать внутреннюю защиту, которая понадобится ему, чтобы совладать со всем ужасом грядущей новости.

– Пойдем со мной, – сказал Карлос. – Поговорим наверху.

Наверху они зашли в какой-то кабинет. Нельзя сказать, чтобы Лука проигнорировал разговор Мами и Карлоса, – он не пытался намеренно не вслушиваться. Нет, сознание мальчика просто воспарило над его головой, словно шарик с гелием, который держат на тонкой, туго натянутой веревочке. Его тело сидело за столом, рядом на полу лежал рюкзак; его ноги обхватывали ножки стула; его руки потянулись к баночке со скрепками и стали сплетать их в одну длинную цепочку. Но вся внутренняя работа полностью остановилась. Взрослые то и дело поглядывали на него – сквозь баррикаду пронзительных голосов и пепельно-серых лиц, – и тогда тело Луки отвечало на их вопросы пожатием плеч или кивком. Вскоре перед ним на столе возник пластиковый стаканчик с водой, и мальчик послушно отхлебнул. Внизу застучали барабаны. Заиграла электрогитара. Лука чувствовал ногами вибрацию басов. А потом они оказались в машине Карлоса и поехали сквозь город к нему домой. Мами сидела сзади, рядом с Лукой, и держала сына за руку. Почувствовав ее теплое прикосновение, тот наконец вернулся в реальность.

Когда машина выехала из *la zona centro*²⁵, Лука увидел, что Чильпансинго мало чем отличается от Акапулько. Конечно, тут не было ни чаек, ни туристов, улицы были поуже. Зато повсюду виднелись разноцветные магазины и желтые такси, в солнечном свете проходили люди в нарядных воскресных костюмах. Женщины с сумочками через плечо, парни с неряшливыми татуировками. Множество пузырчатых пестрых граффити. Все дома были выкрашены в яркие цвета. Они сменяли друг друга, словно карты в колоде. По радио играла музыка, и три с половиной песни спустя машина Карлоса свернула на улицу, которая оказалась немного шире остальных. Кроны деревьев обрамляли ее тенистой аркой, отчего создавалось впечатление, будто они въезжают в какое-то секретное место, потаенное убежище. В сердце квартала возвышалась красивая белая церковь с двумя неброскими колокольнями у входа. Такая же, как дома. *Católica*. Все остальные здания на тесной улице стояли на почтительном расстоянии от этой небольшой церквушки. Карлос свернул на парковку.

Его дом был бирюзовым, точно такого же оттенка, как средняя полоса океана в Акапулько; если в ясный день выйти на ступеньки Пласа Эспанья и посмотреть на море, то увидишь эту полосу между светло-песочной возле берега и темно-синей у самого горизонта. Дом выглядел большим и современным, хотя и был соединен по обе стороны с точно такими же домами: справа – с фиолетовым, слева – с персиковым. Карлос занес сумки внутрь.

Его жена, по имени Мередит, была белая, из *Estados Unidos*²⁶. О последнем Лука догадался сам, едва увидев женщину в церкви. Ее голос, ее одежда. Ее манера брать собеседника за плечи и слегка встряхивать. Пройдясь по пустому дому, мальчик внимательно изучил семей-

---

²⁵ Центр города (*исп.*).

²⁶ Соединенные Штаты (*исп.*).

ные фотографии: у всех троих сыновей Карлоса были веснушки отца и розовая кожа матери. Средний выглядел ровесником Луки. Вскоре Мередит вернулась домой (одна, без мальчиков: те решили задержаться в церкви), и тогда Лука впервые в жизни испытал негодование, сопряженное с чувством собственности.

Лука знал слово «собственнический», потому что он вообще знал много сложных слов, неведомых другим восьмилетним мальчикам: «наитие», «велеречивость», «тривиальный». Но раньше он не понимал значения слова «собственнический» по-настоящему. Ему не доводилось испытывать это чувство. А теперь оно с грохотом продавило Луке нутро, словно паровой каток. Что это за женщина, с какой стати она оплакивает Папи? Почему она стоит тут и рыдает с перекошенным лицом, с дрожащими руками, ждет утешения? Лука и сам удивился, оттого что так не по-доброму воспринял эти проявления искреннего горя. В конце концов, Мередит ведь когда-то дружила с Папи. Или, по крайней мере, была женой папиного друга. И она так хорошо относилась к Папи, что попросила его стать крестным ее старшего сына. Так почему же Мередит не может расстроиться, узнав о внезапной и жестокой кончине старого знакомого? Почему не может плакать, показывать свои страдания? Лука совершенно не понимал, отчего горе этой женщины так его раздражает. Когда та попыталась его обнять, он увернулся, не в силах терпеть такое, и Мами не стала его принуждать. Перехватив мальчика, она отвела его в ванную и умыла, а когда они вернулись, Мередит уже взяла себя в руки. Она усадила Мами на диван, а сама отправилась заваривать чай. Чашки так и простояли нетронутыми, хотя разговор длился очень долго – и пролетел мимо Луки, почти его не задев.

Мередит познакомилась с Карлосом в студенческие годы во время своей миссионерской деятельности. Со своей церковью, стоящей среди кукурузных полей штата Индиана, она поддерживала связь до сих пор. Тем летом много лет назад она, впервые приехав в Мексику, сразу влюбилась в Карлоса, а заодно и в его страну. Ей нравилось, с какой непринужденностью мексиканцы относились к вопросам веры. Ей нравилось жить в стране, где откровенные разговоры о Боге не считались чем-то возмутительным или странным. В то время в Мексике молитва казалась обыденным, повсеместным делом. Но для Мередит эта культурная особенность была сродни чуду. Они с Карлосом поженились очень рано, и с тех пор все свободное время женщина посвящала обмену опытом и поддержанию культурных связей между Чильпансинго и приходом той далекой церкви в штате Индиана.

Совсем недавно к ним на каникулы приехали четырнадцать американских детей-миссионеров. В Чильпансинго их размещала та самая церковь, которую посещали друзья Лидии. Организацией ежегодных визитов в весеннее и летнее время занималась лично Мередит. Через Герреро шел постоянный поток светловолосых миссионеров из Индианы. Нынешняя группа улетала в США в ближайшую среду днем, поэтому церковь уже выделила для них три пассажирских фургона, которые должны были доставить гостей в Мехико. Фургоны отправлялись из Чильпансинго ранним утром в день вылета. С этого момента разговор взрослых приобрел куда более напряженный характер. Лука приподнялся на стуле и стал вертеть в руках мамину чашку.

– Так поезжайте с ними в фургоне. Отличная идея! – сказал Карлос.

Мередит не открывала рта, но по ее глазам было совершенно ясно: ничего хорошего она по этому поводу не думает.

Потом заговорила Мами:

– Если мы поедем на церковном транспорте, на блокпостах с нами ничего не случится.

– Да, никому и в голову не придет искать вас среди миссионеров, – поддержал ее Карлос.

– Они и смотреть не будут, – кивнула Мами.

И тут Мередит заговорила:

– Ничего не случится с кем? Может, с вами и не случится, но простите, конечно, подвергать ребят такой опасности я просто не могу.

Она покачала головой, и Лука увидел: то была совсем не та женщина, которая всего несколько минут назад оплакивала Папи. Цвет ее лица изменился, рыхлые черты затвердели.

Мами открыла было рот, но сумела промолчать. Она водила пальцем по золотым колечкам на груди.

Карлос уткнул указательный палец в стол. Все неотрывно смотрели на этот палец.

– Мередит, у них просто нет другого выбора. Я понимаю, что ты волнуешься, но по-другому им никак не выбраться из Герреро. Без нашей помощи они могут погибнуть.

– *Могут* – это мягко сказано, – заметила Мами.

Но Мередит скрестила руки на груди и снова мотнула головой. У нее были золотисто-каштановые волосы, удерживаемые надо лбом черным ободком. Красный нос, красные щеки, глаза – пронзительно-голубого цвета. Мами поднесла к губам чашку, а когда поставила ее обратно на стол, Лука увидел, что чая там осталось ровно столько же.

– Простите, но это слишком опасно, – сказала Мередит. – Мы не можем так поступать с детьми, с их родителями в Индиане – это просто нечестно. Всякий раз, когда кто-то отправляет к нам своих детей, они боятся именно такой ситуации. Вы хоть представляете себе, как трудно их переубедить? Мы даем им слово, что их дети будут в безопасности. Я лично даю им слово. Я обещаю, что ничего подобного с их детьми никогда не случится.

Мами откашлялась. Ее лицо было похоже на бомбу, которая вот-вот взорвется.

– Ничего *подобного*? – отдышавшись, произнесла она.

Мередит зажмурилась:

– Прости. Я не хотела. Я даже и не знаю, что тут еще скажешь.

– Себастьяна больше нет, Мередит, – вмешался Карлос. – Моего друга. Твоего друга. Он погиб. А вместе с ним еще пятнадцать человек. Ничего *подобного* просто так не случается. Даже тут. Ты знаешь хоть кого-то, кто в один день потерял шестнадцать родственников?

Мередит сверкнула глазами, но мужчина не отступил:

– Мы обязаны им помочь. Если страдание наших друзей ничего не значит, если этим детям нельзя видеть нас, видеть настоящую Мексику, то зачем им сюда приезжать? Они что, просто проезжие самаритяне?

– Карлос, не надо.

У Луки возникло ощущение, что супруги далеко не в первый раз говорят на эту тему.

– Неужели они приезжают сюда, только чтобы жарить оладьи и делать селфи с худыми смуглыми детишками?

Мередит хлопнула ладонью по столу, и в чашках зарыбил нетронутый чай. Но Мами предотвратила вспышку взаимного гнева. Она заговорила словно из пустоты, как будто куда-то исчезла, оставив после себя один только голос. Безжизненным тоном, нараспев она произносила:

– Себастьян. Йеми. Алекс. Йенифер. Адриан. Паула. Артуро. Эстефани. Нико. Хоакин. Диана. Висенте. Рафаэль. Люсия. Рафаэлито. Мама. Их больше нет. Никого больше нет.

С каждым новым именем, слетавшим с маминых губ, у Луки в горле все больше разрастался горький комок. Он взглянул на Мередит, но ее лицо было лишь непроницаемым красносиним пятном. Мами ответил Карлос, положив ладони на стол.

– Мы вам поможем, – прошептал он. – Конечно, поможем.

Мередит поднялась и, скрестив на груди руки, принялась расхаживать из стороны в сторону.

– Лидия, я не буду притворяться, что знаю, каково тебе сейчас. Вообразить такое невозможно. Да, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы хоть как-то вам помочь. Но пойми, пожалуйста, и ты: на мне лежит серьезная моральная ответственность. Иногда простых ответов нет.

Мами обхватила руками лоб:

– Я не хочу, чтобы из-за нас у кого-то были проблемы. Я просто должна увезти Луку подальше отсюда. Должна.

Впервые после катастрофы Луке показалось, что Мами вот-вот по-настоящему сорвется. Он внимательно следил за выражением ее лица.

– Пожалуйста. Мы в отчаянном положении. – Голос Лидии дрогнул.

Карлос взглянул на жену:

– Послушай, дорогая. Я понимаю, почему ты сопротивляешься. Правда понимаю. Но иногда простые ответы все-таки есть. Подумай вот о чем: если мы им не поможем, если им придется самим ехать на автобусе, а потом их остановят на дороге и убьют – просто потому, что нам с тобой не хватило смелости им помочь, – сможешь ли ты потом с этим жить? Сможем ли мы с этим жить?

Мередит вздохнула и оперлась руками о спинку стула.

– Не знаю. Не знаю.

– Тогда помолись. Доверься Богу.

Женщина развернулась и нажала кнопку электрического чайника, хотя и к уже разлитому чаю никто пока что не притронулся. Стоя спиной к собравшимся, она наконец спросила:

– Ты уверена, что тебя ищут? – Она обернулась и прислонилась к кухонной стойке. – Разве с помощью Себастьяна они не продемонстрировали, что хотели? Может, теперь все кончено?

Лука перевел глаза на Мами, и та поймала его взгляд. Ответила она не сразу, словно прикидывая, что стоит и чего не стоит говорить в его присутствии. Вероятно, она вспомнила, что сейчас страх ему полезен. Пусть ему будет страшно.

– Нет, – сказала она негромко. – Он не остановится, пока не найдет нас.

8

В ту ночь, когда Лидия узнала, что Хавьер и Ла-Лечуса – один и тот же человек, она долго лежала в темноте с открытыми глазами. Лидия с Себастьяном всегда считали, что женатые люди имеют право на некоторую обособленность и не должны рассказывать друг другу все подряд. Она полюбила будущего мужа в том числе и за это: Себастьян не вытягивал из нее ответы на слишком личные вопросы, почти никогда не ревновал и не пытался разрушать или контролировать ее отношения с друзьями-мужчинами.

– Ты отдельная личность, ты взрослая женщина, – сказал он ей еще до помолвки. – А я – твой возлюбленный. Если мы поженимся, это будет значить, что ты выбрала меня. Надеюсь, каждый день ты будешь заново выбирать меня.

Лидию сместило старомодное слово «возлюбленный», но идея Себастьяна привела ее в восторг. До встречи с ним она была уверена, что брак непременно означает потерю личной свободы. И очень воодушевилась, узнав, что это не так. Оба они были людьми порядочными и считали себя современными. Они не скрывали друг от друга ничего серьезного, но Лидии нравилось иметь свой собственный, потаенный шкафчик, доступный лишь ей одной.

Так что не было ничего предосудительного в том, что она не рассказывала мужу о Хавьере, однако в тот момент, разумеется, все резко изменилось. Лидия так и не сомкнула глаз до самого утра, до того момента, когда Себастьян, как обычно, поцеловал ее в лоб и направился в ванную. Она села в постели, и от этого резкого движения у нее скрутило живот.

– Себастьян, – начала она.

Лидия было подумала: может, лучше ни о чем напрямую не рассказывать, а позадавать вопросы? Она понимала, что, как только во всем признается, их дружбе с Хавьером придет конец; в глубине души она уже начала оплакивать свою потерю. Ей очень хотелось, чтобы вся история оказалась неправдой, обыкновенным недоразумением.

Муж обернулся к ней в сером полумраке спальни.

– Что такое?

По одному лишь тону Лидии он сразу все понял. Подойдя к постели, Себастьян сел рядом с женой.

– Он мой друг, – призналась она.

В то утро Себастьян остался дома. Он позвонил своему редактору и сказал, что собирается проверить одну зацепку и в офис приедет только во второй половине дня. Вместе с женой они сидели на незаправленной постели и говорили в течение нескольких часов, пока свет за окном менял краски: с серого на розовый, с розового на солнечно-желтый. Когда пришло время собирать Луку в школу, оба ходили как в тумане.

– Давай сегодня я сам его отвезу, – настоял Себастьян. – А ты подожди меня дома.

Стоя под душем, Лидия плакала.

Когда муж наконец вернулся, они продолжили разговор за кухонным столом. Мокрые волосы Лидии дыбом торчали у нее на макушке, лицо припухло.

– Есть ли хоть какой-то шанс, что ты ошибаешься? – спросила она, скрестив на груди руки.

Лидия знала ответ, но все это казалось ей какой-то бессмыслицей. Голова у нее шла кругом.

Себастьян впился в нее глазами и твердо сказал:

– Нет.

Лидия кивнула:

– Материал про «Лос-Хардинерос», над которым ты работаешь... там что-то говорится про него самого?

– Да там почти все про него, про его приход к власти. Разоблачение в стиле «Всем привет, теперь я здесь главный авторитет».

Склонив голову набок, Лидия потерла рукой лоб.

– Я не знаю, что мне теперь делать, – прошептала она. – Вся эта история кажется совершенно невероятной.

– *Делать* ничего не надо.

– Просто в голове не укладывается. Ведь я *знаю* его.

– Да, Лидия, я понимаю. Он обаятельный мужчина, настоящий эрудит. Но еще он очень опасный человек.

Она вспомнила глаза Хавьера, какими беззащитными они казались всякий раз, когда тот снимал очки. «Опасный»? Это слово совсем к нему не подходило.

– Я знаю, как трудно в это поверить. И понимаю, как тебе сейчас тяжело. Мне очень жаль, правда. – Выдержав паузу, Себастьян продолжил чуть изменившимся тоном: – Но он убивал людей, Лидия. Множество раз. Этот мужик с ног до головы в крови.

Этот мужик. Лидия снова мотнула головой. Себастьян поднялся, обхватил пальцами спинку своего стула, придвинул его к столу.

– Он совсем не такой, каким тебе казался.

– Но ты ведь сам говорил вчера: «Лос-Хардинерос» не такие жестокие, как остальные картели.

Он ведь и правда так говорил, черт подери! Лидия открыла окно, и в кухню ворвался шум дороги.

– Дорогая, я тебя люблю. Я люблю твою преданность и порядочность. Но сейчас речь идет об убийце. С особой жестокостью или без, этот человек – успешный наркобарон. Когда убиваешь в таких количествах, убийство становится привычкой. Пусть на его совести чуть меньше мертвых детей, ну и что с того? Подобная умеренность – не следствие добродетели. Это его чертова бизнес-стратегия. Этот парень убьет *кого угодно*, если сочтет это выгодным.

– Не кого угодно, – едва слышно возразила Лидия. – У него есть дочь.

Опершись руками о спинку стула, Себастьян уронил голову и уставился в пол.

– Себастьян, послушай. Я понимаю, звучит все это безумно. Но я ведь не наивная девочка, так? Я ведь не идиотка, правда?

– Ты самая умная женщина из всех, кого я знаю.

– Я... я просто пытаюсь все это переварить. Соотнести все то, что ты мне рассказываешь, с образом того Хавьера, которого знаю я.

– Да-да, понимаю.

– И это очень сложно.

– Я и представить себе не могу насколько.

– Ведь я и правда знаю его, Себастьян. Знаю. Как ты и говоришь, он действительно очень умный. В другой жизни он мог бы стать хорошим человеком...

– Но это не другая жизнь, Лидия. Он не стал хорошим человеком.

– Но, может, у него еще есть шанс. Вот что я пытаюсь до тебя донести. Люди – сложные создания. Пусть он именно такой, как ты говоришь. Но в нем есть и другая сторона. В нем живет измученная душа поэта, полная скорби. Он остроумный. И добрый. Может, он еще сумеет измениться.

– Погоди. – Хавьер окинул жену внимательным взглядом. – Погоди-ка, Лидия. Ты что, в него влюблена?

– Что?

– Влюблена или нет?

– Себастьян, не говори глупостей. Сейчас не время для сцен ревности.

Мужчина покачал головой:

– Но есть ли у тебя к нему какие-то чувства?

– Ничего такого. Я его люблю, но...

– Ты его *любишь*?!

– Он мой друг! Настоящий друг. Человек, который очень много для меня значит. – Лидия уперлась ладонями в колени и взглянула на мужа снизу вверх. На окне зажурчала и выдохнула кофеварка. – Его отец тоже умер от рака.

Себастьян отодвинул стул и снова сел.

– Ох, Лидия.

С отцом своей жены Себастьян так и не успел познакомиться, но смерть этого человека оказала такое мощное влияние на жизнь Лидии и на их зарождавшийся роман, что к покойному тестю он испытывал по-настоящему родственные чувства. Себастьян знал о нем буквально все. Например, когда Лидии было двенадцать (уже не самый подходящий возраст для мишек), ее главный плюшевый любимец получил ранение в нос. Лидия была убита горем и одновременно стыдилась своих чувств. А мишка мучился и рассыпал внутренности по всему дому. Тогда ее отец, не говоря ни слова, сходил в аптеку и вернулся оттуда с пакетом. Пакет он положил на кухонный стол, под лампу на штативе, и велел дочери принести из комнаты мишку. Очень осторожно Лидия доставила любимца на кухню, которая к тому моменту превратилась в операционную. Стол был затянут целлофаном. Ее отец стоял в маске и резиновых перчатках. Под лампой мерцали хирургические инструменты: игла, нитки и лоскут кожи. Отец пришел медведю полностью новый кожаный нос.

А еще Себастьян знал, что покойный тесть никогда не ел зеленых овощей, кроме лимской фасоли, с детства имел на ноге длинный шрам из-за несчастного случая на лодке, а на концертах любил громко подпевать артистам и, случалось, ужасно при этом фальшивил. Только раз в жизни Лидия видела, как отец плачет: когда Оскар Де Ла Хойя выиграл золото на Олимпиаде 1992 года в Барселоне. Себастьян испытывал такие нежные чувства к этому человеку, что порой ему приходила в голову мысль: возможно, будь тесть сейчас жив, Себастьян интересовался бы им куда меньше. На девятой неделе их романа они с Лидией смотрели футбольный матч на стадионе «Асуль» в Мехико, и в этот момент ей позвонили с ужасной новостью. Хотя рак развивался медленно, скончался отец Лидии внезапно и стремительно. Все случилось 24 октября 2003 года, за неделю до *Día de los Muertos*²⁷. По словам врачей, его последние слова были: «Скоро праздник. Мне нужно подготовиться».

Лидия и Себастьян сразу же ушли с матча, и он повез ее сначала к себе домой, а потом обратно в Акапулько; ехали они всю ночь. Ее одежда лежала кучей на заднем сиденье. Она не понимала, что нужно взять, поэтому сгребла все в корзину для грязного белья. Сидя в темноте, Себастьян держал ее за руку; возле Куэрнаваки ему пришлось остановиться – Лидия испугалась, что ее вот-вот вырвет. В ту неделю он несколько раз ездил в Мехико и обратно: чтобы взять одежду, уведомить преподавателей о сложившейся ситуации, отвезти ее друзей на похороны, а потом, объединив усилия с ее матерью, уговорить Лидию не бросать колледж.

В каком-то смысле Себастьян всегда считал эту трагедию своего рода цементом, скрепившим их союз. Они уже догадывались, что влюбляются друг в друга, но именно личное горе стало для Лидии лакмусовой бумажкой, обнаружившей характер Себастьяна во всей полноте. В нем появилось непривычное постоянство. Он всеми силами пытался восполнить недостающие фрагменты ее жизни. Поэтому, когда она упомянула эту маленькую деталь, объединявшую ее с Хавьером, – смерть отца от рака, – Себастьян сразу понял, насколько важным был для Лидии этот общий опыт.

– Сколько лет ему было? – спросил он. – Когда умер его отец?

– Одиннадцать.

---

²⁷ День мертвых (*исп.*).

– Ужасно! – Себастьян поморщился.

Лидия вынула из шкафчика две кружки и налила в них кофе. Одну она поставила перед мужем, а другую взяла себе и снова села за стол. Подтянув к себе колени, обхватила их руками.

– Себастьян, мне кажется, он влюблен в меня.

Ее муж надул щеки и с шумом выпустил воздух.

– *Maldita sea*²⁸, – выругался он. – Кто бы сомневался.

В краткосрочной перспективе изменилось немного: Себастьян стал чаще звонить и время от времени заходил в книжный, чтобы проведать жену. Раз пять в день он слал ей эсэм-эски, и даже если Лидия была занята, она сразу отвечала, чтобы муж не волновался. Все было в порядке. Неделю спустя, увидев в дверях Хавьера, она страшно запаниковала. Спрятав под прилавком телефон, Лидия написала Себастьяну: «Он здесь. Перезвоню».

В руках Хавьер держал какой-то сверток, и глаза его сияли ярче обычного. Всем своим видом он показывал, что очень ждет, когда покупатели разойдутся, но Лидия не спешила их отпускать, страшась оставаться с ним наедине. Когда последняя пара посетителей направилась к выходу, так ничего и не купив, Лидия крикнула им вслед: «Вам все понравилось?» Ответа она не услышала. Один из них, мужчина, просто кивнул, и, отворив дверь, оба удалились под тревожный звон колокольчика. Дрожащими руками Лидия помешала сахар в кофе Хавьера.

Сидя на своем табурете, мужчина широко улыбался.

– Кое-что для тебя. – С этими словами он положил бумажный сверток на прилавок и чуть придвинул его к Лидии.

Упаковка была неброской: простая коричневая бумага, никаких ленточек – однако от этого подарок, врученный в среду утром без всякого повода, не терял своей особой значимости. Как бы то ни было, Лидия распаковала его. Внутри оказалась деревянная матрешка, напоминавшая по форме арахисовую скорлупу, высотой примерно как рука Лидии от кисти до локтя, с едва заметным шовчиком посередине. Раскрашена она была по-праздничному: черные волосы, розовые щеки, желтый фартук, красные розы. Прощупав пальцами шовчик, Лидия открыла матрешку и увидела ее сестру-близняшку, только поменьше. Лидия раскрывала этих куколок снова и снова и всякий раз обнаруживала внутри уменьшенную копию предыдущей фигурки.

– Это русские матрешки, – сказала она.

– Да. – Хавьер наблюдал за ее реакцией. – Но на самом деле они – это я. Продолжай, ты не закончила.

Разняв очередную рассеченную фигурку – высотой с ее большой палец, – Лидия добралась до самой маленькой сестрицы. Ярко-бирюзовая и самая красивая, она была расписана наиболее искусно. Лидия зажала фигурку между пальцами и принялась разглядывать замысловатую серебряную филигрань.

– А это ты. – Хавьер ударил себя кулаком в грудь. – *Muy dentro de mí*²⁹.

Лидия заморгала, пытаясь остановить слезы, но они все равно предательски заблестели в уголках ее глаз. Мужчина истолковал их по-своему и улыбнулся еще шире:

– Тебе нравится?

– Очень. Спасибо!

Она шмыгнула носом и под пристальным взглядом Хавьера начала поспешно собирать матрешек обратно. Тот заметил, что Лидия не пытается соединять половинки аккуратно, чтобы нижняя часть соответствовала верхней, – знак, что что-то по-настоящему пошло наперекосяк.

– Что случилось, *mi reina*³⁰?

---

²⁸ Проклятье (исп.).

²⁹ Глубоко внутри меня (исп.).

³⁰ Моя королева (исп.).

Покончив с матрешками, Лидия снова завернула их в коричневую бумагу и положила под прилавок рядом со своим мобильным. Разговор намечался не из легких, поэтому она решила обо всем сказать прямо.

– На прошлой неделе я узнала кое-что плохое, – начала Лидия.

Хавьер нахмурился и подался вперед, слушая.

– Про тебя, – добавила она.

Он откинулся на спинку стула и еще сильнее сдвинул брови. В воздухе надолго повисла тишина, которая затем внезапно оборвалась от звона дверного колокольчика: в магазин вошла дама средних лет. Пробивая для нее три блокнота, три дорогие ручки и поздравительную открытку, Лидия так и не смогла улыбнуться. Беспокойство Хавьера, словно темное заклятье, расплзлось вокруг, трепетало у нее в груди. Мужчина сидел ссутулившись, спрятав ладони между сомкнутых колен. Когда покупательница удалилась, Лидия подошла к двери. Щелкнув замком, она перевернула табличку: «*Cerrado*»³¹.

Они сидели по разные стороны прилавка и изучали друг друга. Лидия пристально смотрела Хавьеру в глаза, и оба не отводили взгляда.

Наконец мужчина заговорил.

– Я думал, ты знаешь. – Голос его звучал натужно, хрипло.

По-прежнему глядя ему в глаза, Лидия помотала головой:

– Откуда мне было знать? И как?

Глаза Хавьера за линзами очков казались даже больше обычного. Когда он вновь заговорил, его губы дрожали:

– Мне кажется, почти все знают. Вот я и надеялся, что... что для тебя все это просто неважно. Потому что ты знаешь, что я за человек. Видишь, какой я на самом деле.

– Да, вижу, даже сейчас. Но, Хавьер, другая часть твоей личности, которая мне не известна... Просто в голове не укладывается. Она ведь тоже настоящая, да?

Он наконец отвел глаза. Потом заморгал, снял очки и протер стекла полкой рубашки.

– Я люблю тебя, – сказал он.

– Я знаю.

– Нет, не знаешь.

Лидия сжала губы.

– Я влюблен в тебя. *Влюблен*.

Она лишь покачала головой.

– Лидия, ты мой единственный друг. Единственный человек, которому от меня не нужно ничего, кроме искренней радости общения.

– Неправда.

– Правда! Когда мы не вместе, я тоскую по тебе. Ты не представляешь, какое ты приносишь мне счастье. Только ты и Марта, больше у меня никого нет. Остальное – пыль. Я бы все это бросил, если бы мог.

– Так бросай! – Лидия хлопнула ладонью по прилавку. – Бросай!

Улыбнувшись, Хавьер печально взглянул на нее:

– Это не так устроено.

– Все устроено так, как ты велишь! Ты же *hefè*!

– Да. Но если я уйду, что будет дальше? Что случится с Акапулько, если я возьму и все брошу? Сколько невинных людей погибнет, пока они там будут бороться за мое место? – Он поставил локти на прилавок и в отчаянии ухватил себя за волосы. – Я ведь никогда не стремился к этой жизни. Все произошло само, по несчастному стечению обстоятельств.

---

³¹ Замкнуто (*исп.*).

Где-то на поверхности сознания Лидия чувствовала: так быть не может. Даже если это оказался лотерейный билет, Хавьер сам выбрал и купил его. Чтобы добиться такого положения, он наверняка совершил не одно злодеяние. Сколько их было? Какие? Какая-то смесь страха и печали помешала Лидии задать этот вопрос вслух. Она не решилась ставить под сомнение его оправдания.

– Так что вот. Я оказался тут. – Хавьер смотрел на нее с мольбой. – Бросить не получится, Лидия, увы. Но не это определяет меня как личность.

Лидия чувствовала, как возражения лихорадочно пульсируют у нее в голове. «Разумеется, именно это определяет тебя как личность», – не сказала она вслух. Сомкнув глаза, она почувствовала, как Хавьер взял ее за руку.

– Пожалуйста, попробуй меня понять, – сказал он.

Неделю назад, обнаружив фотографии Хавьера в папке у мужа, Лидия испытала мучительную боль. Так редко она ощущала с кем-либо настолько подлинную и глубокую связь. Одна только мысль об этой потере приносила Лидии чудовищное горе. Но вот теперь, в то время как Хавьер сидел перед ней, сжимая ее руки в своих, и все ее страхи подтвердились, стало ясно: перед ней – безжизненные останки бывшего чувства. Любовь, которую она испытывала к своему другу, уже начала улечиваться. Она парила рядом, словно призрак, размытый и безжизненный, но уже не принадлежала Лидии. Ее привязанность погибла, вытекла, как вытекает кровь из трупа. Женщина сжала пальцы и почувствовала запах формалина. Хавьер с грустью пристально смотрел ей в глаза, и на стеклышках его очков она увидела брызги крови.

9

В доме Карлоса и Мередит Лидии пришлось снова встретиться со своими демонами. Горе подкарауливает в минуты бездействия. Лидия казалась себе треснувшим яйцом, но не могла понять, желток ли она, или белок, или скорлупа. Все в ней перемешалось. В последовавшие три дня они с Лукой часто оставались одни: сыновья Карлоса учились, сам он работал, а Мередит хлопотала, чтобы организовать для своих миссионеров путь домой. Семья не отказывалась от повседневных забот, как случается обычно, когда люди сталкиваются со смертью: любое изменение в привычном распорядке могло бы навлечь на них подозрение. Лидии с Лукой было необходимо сидеть тихо. А Карлос, Мередит и их сыновья продолжали жить обычной жизнью. *Gracias a Dios*³², в комнатах мальчиков имелась неплохая библиотека, и, пока семейство занималось своими делами, Лука читал по две-три книги в день. Лидия тоже пыталась читать, но ее разум не мог удержать в себе слова. В ее мозгу не оставалось свободного пространства. Поэтому она решила, что, по крайней мере, займет чем-то руки. Она готовила разные блюда, которые им с Лукой не хотелось есть. Мыла раковины, стирала одежду, пылесосила ковры – хотя все это и так было чистое. И смотрела, как Лука все больше замыкается в себе.

Минуты растягивались до бесконечности. Лука весь день проводил в одной позе, читая на диване. Поднимался он, когда требовалось взять с полки новую книгу. Каждый раз, когда он шел в туалет, Лидия пыталась уговорить его поесть. Остаток дня она сидела за стареньким компьютером в гостиной, листая заголовки новостей из Акапулько. В память о Себастьяне его коллеги написали много прочувствованных некрологов, но Лидия не могла читать все эти рассуждения. Слово *héroe* (герой) приводило ее в бешенство: можно подумать, ее муж сам отважно шел навстречу смерти. Господи, да он умер с кухонной лопаткой в руке. Лидия проглядывала новости в надежде выяснить какие-то подробности расследования, но, как и ожидалось, не находила ничего. В совокупности страх и коррупция – надежная защита от любого, кто мог бы собрать улики и добиться правосудия. Не будет ни доказательств, ни суда, ни обвинительного приговора. Лидия проверяла криминальную сводку в надежде, что найдет там хоть какой-то намек на дальнейшие планы «Лос-Хардинерос». Накануне днем на пляже Плайя-Орнос возле зонтиков открыли стрельбу; в результате погиб турист. Сегодня утром рядом с жилым комплексом «Лома Ларга» был обнаружен сгоревший автомобиль; в салоне находились два тела – одно побольше, другое поменьше.

Лидия подвела курсор к очередной ссылке, но все-таки ей удалось закрыть новостной сайт. Допустим, Карлос поможет им добраться до Мехико, но дальше-то что? Надо было придумать какой-то план. Изучая маршруты автобусов, Лидия узнала, что в округе увеличилось число блокпостов, стали чаще пропадать люди. Гражданам настоятельно не рекомендовалось покидать черту города на личном транспорте. Власти призывали не ездить по автомагистралям в штатах Герреро, Колима и Мичоакан, за исключением самых крайних случаев. Лидия почувствовала, что на нее вот-вот обрушится новая волна отчаяния, но у нее не было времени паниковать. Ехать по дорогам – точно не вариант. Даже будь у нее действительные права, Лидия ни за что не повезла бы Луку на машине. Да и автобусы не лучше. Блокпосты – слишком серьезная угроза. Что же тогда оставалось? Лидия стала смотреть авиабилеты, хоть ей и не нравилось, что при покупке придется указывать имя. Теперь, когда все данные хранятся в цифровом виде, какой смысл бежать на другой конец земли, если твоя фамилия всплывет под красным флажком в какой-нибудь онлайн-базе? Без паспорта можно долететь максимум до Тихуаны, три часа сорок минут пути. Если Хавьер захочет отправить им навстречу *sicario*, времени

³² Слава богу (*исп.*).

ему вполне хватит. Лидия представила себе, как в зале получения багажа начинается бойня. Представила заголовки на следующий день. Междугородних пассажирских поездов в Мексике не было, но Лидия решила посмотреть хотя бы маршруты товарняка, на котором мигранты из Центральной Америки ездили в США. Они пересекали всю страну, от Чьяпаса до Чиуауа, лежа на крыше поезда, который прозвали «Ла-Бестиа» (Зверь): он вез людей навстречу всем ужасам, какие только можно вообразить. Убийства и похищения на этом пути были обычным делом, кроме того, каждый день люди погибали или получали увечья, просто падая с крыши поезда. На такое путешествие отваживались только самые нищие и отчаянные. Содрогаюсь, Лидия просмотрела множество видео, фотографий и зловещих предостережений от людей с ампутированными конечностями. И решила начать сначала, еще раз подробно изучить все варианты. Автобусы, самолеты, поезда. Наверняка она что-то упустила. Наверняка есть какой-то выход. Следующие несколько часов Лидия вбивала запросы, щелкала мышкой и прокручивала текст; Лука тем временем листал страницы очередной книги.

За ужином к ним присоединилась вся семья: Карлос, Мередит и три их мальчика. Лука сидел в отцовской бейсболке, и Лидия не стала возражать, хотя Мередит сказала своему младшему: «За столом никаких головных уборов». Старший мальчик вытер с губ молочные усы и посмотрел сначала на Луку, а потом на его красную кепку.

– Тебе нравится бейсбол? – улыбнувшись, спросил он.

Лука лишь пожал плечами.

Он всегда был тихим ребенком. Даже года в два-три он никогда не лепетал, не бормотал себе под нос. Заговорил Лука только в четыре года, и к этому моменту Лидия уже всю была тревогу. Читать сыну вслух она начала задолго до того, как заподозрила какие-то проблемы, просто потому, что сама любила книги и совместное чтение. Ей нравилось думать, что Лука будет расти, слушая фразы, преисполненные красоты, – пусть даже поначалу он их не понимал, – что его язык будет формировать сокровищница лучшей поэзии и прозы. Так что Лидия начала с Маркеса, Толстого и сестер Бронте. Однако, по мере того как росла ее тревога, она сменила тон: теперь она читала вовсе не так, как обычные родители читают своим детям сказки, но с настойчивостью безумного человека, который надеется спасти ребенка от немоты. Когда ее страхи расцвели пышным цветом, а чтение с сыном вошло в привычку, Лидия прибегла к помощи Октавио Паса, Карлоса Фуэнтеса, Марка Твена и Росарио Кастельянос. Лидия свободно говорила по-английски (она учила его в колледже), поэтому иногда обращалась к Йейтсу, воздавая почести зеленым лугам Ирландии с мексиканским акцентом.

Когда Лука был еще младенцем, она приносила его на работу в слинге; в перерывах между обслуживанием покупателей, оформлением доставки, уборкой и расстановкой новых книг мать с сыном читали вместе. Иногда магазин подолгу пустовал, и тогда они с головой погружались в какую-нибудь историю. Когда Лука немного подрос, Лидия стала сажать его в детское кресло-качалку или на коврик, расстеленный на полу за прилавком. Вскоре мальчик уже мог ковылять по магазину самостоятельно, но, когда наступало время чтения, сам охотно садился рядом, скрестив ноги и слегка склонив голову к плечу – словно бы выставляя специальный туннель для слов, которые передавала ему мать. Она пробовала самые разные книги: с картинками и без, разноцветные, тактильные, сборники стихов, альбомы с фотографиями и репродукциями картин. Детские, кулинарные, Библию. Лука осторожно проводил пальцами по глянцевым или тонким страницам, но по-прежнему молчал. Иногда Лидия читала до хрипоты, но порой одинокое эхо собственного голоса так ее угнетало, что ей хотелось все бросить. Однако в таких случаях Лука настойчиво заталкивал книгу обратно ей в руки. Раскрыв страницы, он клал книгу матери на колени.

Как-то раз, примерно за неделю до четвертого дня рождения Луки, они всей семьей ели похлебку *посале* и Лидия в очередной раз сокрушалась о немоте сына. Тогда Себастьян поло-

жил свою ложку на край тарелки и стал внимательно изучать лицо мальчика. Тот внимательно изучал отца в ответ.

– Может, ты не говоришь по-испански? – спросил Себастьян.

Подражая ему, Лука тоже положил свою ложку на край тарелки.

– Так вот оно в чем дело, да? ¿*Cuál idioma hablas, mijo?*³³ Может, на английском? Может, ты американец? А, нет, знаю! – Себастьян щелкнул пальцами. – Ты гаитянин! Или... араб? Нет, филиппинец!

Не сводя глаз с мужа, Лидия медленно моргнула, но Лука вдруг улыбнулся и тоже попытался щелкнуть пальцами. Себастьян стал его учить. Щелк-щелк-щелк. Лидия осталась наедине с собственным отчаянием. Она решила, что Себастьян тоже, должно быть, переживает, но не показывает этого в силу своего упрямого оптимизма. Доктора говорили, что с мальчиком все в порядке. Лидии хотелось кричать.

И все же она терпеливо продолжала свои занятия. Альенде, Борхес, Сервантес. Она читала и надеялась, что с помощью этих драгоценных слов преодолет замкнутость сына. И вот однажды, когда Лидия дочитала одну скверную повесть молодого самовлюбленного писателя, Лука приподнялся и покачал головой. Потом потер руками колени. Захлопнув книгу, Лидия положила ее на столик рядом с креслом-качалкой, где они сидели вместе с сыном. Мальчик взял книгу в руки, открыл первую страницу и сказал:

– Мама, прочитай, пожалуйста, снова, но только давай придумаем более подходящий конец.

Идеально. Вот так вот запросто, словно в продолжение разговора, который они вели всю его жизнь. Лидия была так ошарашена, что чуть не отшвырнула сына в другой конец комнаты. Спихнув его с колен, она поставила мальчика на ноги, развернула к себе и уставилась на него:

– Что?

Лука сжал губы.

– Что ты сказал? – И Лидия схватила его за плечи, пожалуй чересчур грубо – из страха, что она начинает терять рассудок. – Ты заговорил! Лука! Ты ведь заговорил?

После короткой, ледящей душу паузы мальчик кивнул.

– Что ты сказал? – прошептала Лидия.

– Я бы хотел прочитать эту книгу еще раз.

Лидия зажала его лицо в ладонях и рассмеялась сквозь слезы.

– Боже мой! Лука!

– Только чтобы конец был лучше.

Она прижала его к груди, стиснула изо всех сил, а потом подскочила на ноги и закружилась вместе с ним.

– Повтори еще раз! Скажи что-нибудь еще!

– Что же мне сказать?

– Да! Именно это! Милый! Ты говоришь!

Закрыв магазин пораньше, она отвела сына домой, чтобы тот во всей красе показался отцу. Этот эпизод запомнился Лидии в таких подробностях, что она боялась доверять собственной памяти: чем дальше удалялось от нее прошлое, тем больше оно походило на сказку. Как же так получилось, что он молчал все эти годы, а потом просто взял и заговорил? Как ведущий новостей или профессор, такими сложными, красивыми предложениями? Невероятно. Лингвистическое чудо.

В течение четырех лет Лука великолепно говорил на двух языках, но теперь в бирюзовом доме Карлоса голос мальчика начал пропадать; к нему возвращалось былое безмолвие. Лидия видела, как это происходит, но ни она, ни ее сын не могли ничего с этим поделать. Поначалу

---

³³ На каком языке ты говоришь, сынок? (*исп.*)

тишина опустилась легкой дымкой, но вскоре затвердела, словно смола. К среде немоту Луки уже нельзя было не замечать. На прямые вопросы он отвечал лишь мимикой и жестами. Он вновь освоил технику отрешенного взгляда, и тогда Лидия почувствовала, как где-то внутри от нее откололся последний кусочек рассудка.

В эти дни, полные тягучего, оцепенелого молчания, в голове у Лидии по-прежнему стремительно вращалось колесо чудовищных мыслей, и никакими способами у нее не получалось его остановить. В присутствии сына ей удавалось держаться стойко, но порой приходилось убегать в ванную. Там Лидия открывала кран, чтобы шум воды скрывал ее приглушенный, скорбный крик. Ее выворачивало от горя, настолько первобытного, что Лидия ощущала себя диким животным, зверем, лишенным сородичей. По ночам, лежа с Лукой на узкой постели крестного сына Себастьяна, она властно направляла мысли в черноту – и ее разум повиновался. Раз за разом она повторяла: *не думай, не думай, не думай*, – и благодаря такому самообладанию вскоре проваливалась в милосердный сон. По сто раз на дню воспоминания о случившемся вбрасывали в ее кровь адреналин, поэтому вечером она, к счастью, валилась с ног от усталости. Ее веки опускались. Но в краткий переходный миг между прыжком с берега и тем моментом, когда ее подхватывал поток, она стремительно летела вниз. Конечности дергались, сердце колотилось, в мозгу всплывали все те же образы: грохот перестрелки, запах обугленного мяса и шестнадцать прекрасных лиц, навсегда застывших без движения, с пустыми глазами, устремленными в небо. Лидия вскакивала в постели и пыталась выровнять дыхание, не разбудив Луку. Каждую ночь на пути к забвению перед ней возникала эта преграда. Этот отрезок она не могла преодолеть. Да что же она за человек, если не сумела похоронить свою семью? Как могла она бросить родных, у которых застывала в жилах кровь, на голой земле, с открытым ртом, с распахнутыми глазами? Лидия видела вдов, которые прямо говорили обо всем, что выпало на их долю, вдов, которым горе придавало храбрости. Она видела, как они выступали перед камерами, не позволяя никому затыкать себе рот, и обвиняли виноватых, высмеивали насилие трусливых мужчин. Называли их по именам. Этих вдов расстреливали на похоронах. *Не думай, не думай, не думай.*

В среду Карлос отпросился с работы, чтобы лично сесть за руль одного из трех церковных фургонов, направлявшихся в Мехико. Красный саквояж Лидия оставила на постели, где они с сыном провели последние три ночи. Внутри лежали ее туфли на каблуках и парадные ботинки Луки. Все остальное она затолкала в два рюкзака, и это был весь их багаж. Из Мехико они полетят на север, решила Лидия. Другого выхода не было. С этими рюкзаками им будет легче передвигаться и не придется стоять у багажной ленты, высматривая свои пожитки (в общем-то, ненужные). Лидия не знала, предупредили ли миссионеров о двух неожиданных попутчиках, но, когда мать с сыном зашли в фургон, никто их ни о чем не спросил. Девочки сверкали своими приторными улыбками и пытались заговорить с Лидией о Спасителе, но та притворялась, что не понимает английского. Усевшись на заднее сиденье, она обнимала сына одной рукой и изо всех сил пыталась вести себя как обычный человек. Вспомнить, каково это, оказалось непросто. У девочек были туристические сумки и дорогие рюкзаки, а волосы у каждой – кудрявые, прямые, жесткие, шелковистые – были заплетены в две французские косички. Лидия поняла, что так того требуют правила миссионеров, и потрогала свой конский хвост. Это заметила девочка, сидевшая рядом.

– Хотите, я вам тоже заплету? – спросила она с улыбкой. – Мы все плетем друг другу косички.

Лидия засомневалась: даже с самыми безупречными французскими косичками вряд ли кто-то примет ее за юную миссионерку из Индианы. И все же самая нелепая броня лучше никакой. Девочка решила, что ее собеседнице мешает языковой барьер, и показала пальцем на свои косички, потом на косички двух других девочек и, наконец, на волосы самой Лидии.

– Хотите? Французские косички?

Молча кивнув, Лидия стянула резинку со своих густых черных волос и повернулась к девочке спиной; та запустила пальчики в ее шевелюру и принялась что-то там накручивать. В салоне было жарко. Покончив с плетением, девочка попросила у своих подруг зеркало. Оказалось, что ни одна из пяти юных пассажирок не была настолько тщеславна, чтобы носить при себе ручное зеркальце. В конце концов одна из них открыла камеру на своем айфоне, перевела ее в режим селфи и отдала телефон Лидии.

– Вам так идет! – воскликнула девочка. – ¡*Me gusta!*³⁴

Лидия посмотрела в экран и покрутила головой из стороны в сторону, чтобы получше разглядеть свою новую прическу. Ей показалось, что теперь она выглядела немного моложе. Улыбнувшись, она отдала девочке телефон. Когда пассажиры фургона запели, ее окатила волна облегчения: голоса заполнили салон, не оставляя места для тревожных мыслей. Все, включая Карлоса, пели громко и задорно.

– Поспи немного, – прошептала Лидия на ухо сыну, когда они подъезжали к Аксаксаку-алько. – Лука смотрел на нее не моргая. – Впереди пробка. Ложись на пол и немного вздремни. Тут удобно.

Лидия наклонилась и, расставив по разные стороны две туристические сумки, освободила немного места. Лука пролез между ними и свернулся калачиком. Его набитый рюкзак теперь служил подушкой. Мальчик закрыл глаза. Между тем движение на дороге начало стопориться – а вместе с ним и дыхание Лидии. Девочки громче запели песню «*Jesus, Take The Wheel*»³⁵. Карлос поймал взгляд Лидии в зеркале заднего вида. Он медленно моргнул, понимая, что иного утешения сейчас предложить не может. Черда машин впереди остановилась. Их фургон оказался зажат между двумя другими. За рулем того, что стоял впереди, сидела Мередит.

На дороге показались два молодых человека, скорее даже мальчика, с винтовками AR-15 наперевес. Возможно, оттого, что эта модель была не столь востребована и сексуальна, как вездесущий калашников, Лидии стало еще жутче. Глупость, конечно. Любой ствол тебя прикончит с равной легкостью. Но в гладком черном корпусе AR-15 было что-то глубоко утилитарное, словно ей даже не требовалось привлекать к себе внимание.

Время от времени дуло одной из винтовок заглядывало в открытое окно какой-нибудь ожидающей пропуска машины, но в основном они оставались в вертикальном положении. Мальчики держали оружие обеими руками. Как правило, водители не дергались. В основном они уступали раздутому самолюбию парней, подыгрывали их тщеславию. Никто не ожидал, что эти ребята и правда откроют огонь, но все знали: прежде чем стать по-настоящему лихим парнем, сначала надо таким притвориться. Никому не хотелось обнаружить, что именно сегодня мальчишки решили действовать всерьез. Один за другим водители тянулись к своим кошелькам, сумкам и бардачкам за приготовленными деньгами. Они передавали купюры безропотно, искренне повторяя: «Благослови вас Господь», потому что эти парни могли приходиться им братьями, сыновьями, внуками. Кому-то из них наверняка и приходились.

Карлос газовал и давал по тормозам, снова газовал и снова давал по тормозам. Лука лежал с закрытыми глазами, а девочки-миссионерки пели. Лидия молилась, чтобы мальчики оказались некоррупцированными *autodefensas*, хотя надежды было мало.

Поющие девочки тоже храбрились изо всех сил. Поездка через блокпост казалась им увлекательной, а перед отправлением пастор успокоил их – мол, подобное в Мексике случается постоянно, и бояться тут нечего, это все равно что проехать пункт сбора дорожной пошлины, – и все же они понимали: операторы пунктов сбора дорожной пошлины в Индиане не носят при себе автоматическое оружие. Многие из этих девочек – загляни они поглубже в потаенные,

³⁴ Мне нравится! (*исп.*)

³⁵ Иисус, встань у руля (*англ.*)

грешные уголки своей души – с нетерпением ждали, что их автобус задержат: экзотическое приключение, выброс адреналина, а какие интересные истории они потом будут рассказывать в Индиане! Однако по пути из Мехико их никто не остановил. Они испытали разочарование с привкусом вины. Когда же долгожданный момент все-таки настал, когда они увидели на дороге мальчиков, почти своих ровесников, которые устрашающе размахивали оружием, когда в их неопытную миссионерскую нервную систему беспорядочно хлынули гормоны, каждая из девочек с косичками похолодела от ужаса. Кое-кто еще надеялся, что у них найдется достаточно смелости, чтобы взглянуть этим юношам в лицо, чтобы спасти их, напомнив им о Христе. Но большинство просто хотели как можно скорее попасть домой. Одна из девочек – та, у которой был айфон, – снова попыталась запеть, но к ней никто не присоединился, и через пару тактов песня оборвалась. Карлос опустил стекло.

Парни встали по обе стороны фургона перед ними. Лидия сумела разглядеть силуэт Мередит на водительском сиденье – та разговаривала с одним из парней. Очевидно, он был главным. Мередит указала пальцем на фургоны позади, и оба парня оглянулись. Лидия застыла на месте. Нет, никто бы не заметил ее на заднем сиденье через затемненные стекла. На главном, стоявшем со стороны водителя, была однотонная голубая кепка без символики. Он скомандовал своему напарнику осмотреть другие фургоны. Проскользнув между бамперами заглушенных автомобилей, паренек подошел к открытому окну со стороны Карлоса; ствол его винтовки выписывал невидимую линию вдоль белой дорожной полосы. Лидия взглянула на Луку: тот лежал на полу с открытыми глазами, круглыми, как блюдца. Слегка поерзав на своем сиденье, она постаралась прикрыть сына ногами.

– Куда направляетесь? – спросил парень, желая сверить показания Мередит и ее мужа.

– В аэропорт Мехико. Наши гости сегодня улетают домой.

– ¿De dónde eres?³⁶ – обратился парень к миссионерке, сидевшей позади водителя.

– Они почти не говорят по-испански, – объяснил Карлос. – Они все из Индианы.

Заглянув в салон через открытое окно, мальчик внимательно изучил улыбающиеся лица молчаливых пассажиров. Если он был падок на девичьи феромоны, в этот момент на него обрушилась критическая доза. Когда его взгляд наконец упал на Лидию, он скривил рот.

– Что за женщина?

– Одна из наших наставниц.

– ¿Estadounidense también?³⁷ – На красивом лице мальчика загорелось сомнение.

– Нет, она отсюда. Наша.

– А почему она сидит сзади?

Лидия знала, что ей ни в коем случае нельзя смотреть на Луку, однако сын был единственным якорем, удерживающим ее в этом мире, и ее глаза отчаянно стремились к нему. Из последних сил Лидия вперила взгляд в подголовник водительского сиденья.

– Одну из наших девочек укачало, – ответил Карлос. – Наставница пересела назад, чтобы помочь.

Лидия подняла руку и по-матерински, совершенно не задумываясь, опустила ее между лопаток девочки, сидевшей впереди – той, что заплетала ей косички. Кругообразными движениями Лидия погладила ей спину, и девочка удивилась: как эта женщина догадалась, что ей страшно? Она была благодарна даже за такое скупое ободрение, и потому, взглянув на Лидию, кое-как улыбнулась. Парень обратился к Лидии:

– ¿Cómo se llama, Doña?³⁸

– Марьяна, – соврала она.

---

³⁶ Откуда ты? (исп.)

³⁷ Тоже из США? (исп.)

³⁸ Как вас зовут, госпожа? (исп.)

– Ей лучше, Марьяна? – Он указал подбородком на девочку.

– Думаю, немного лучше, да, – ответила Лидия, по-прежнему растирая девочке спину. –

Но еще подташнивает.

Ни о чем не подозревающая миссионерка, как по заказу, неожиданно побледнела, а потом слегка согнулась. Лидия подумала, что, возможно, девочку и правда вот-вот вырвет.

Парень все никак не уходил. Его винтовка нависала над окном, а глаза внимательно изучали наставницу Марьяну. Наконец он снова просунул голову в окно и спросил:

– Здесь только девочки? Мальчиков нет?

В ногах у Мамаи Лука сверкнул широко распахнутыми глазами и еще сильнее сжал губы. Он даже не дышал. Теперь он умел прятаться так, чтобы не шевелить ни одним мускулом.

– Все мальчики едут в следующем фургоне, – сказал Карлос.

Когда парень с автоматом хлопнул ладонью по дверной раме, Карлос передал ему несколько сложенных купюр и сказал на прощание:

– *Ten cuidado, y que Dios te bendiga*³⁹.

Парень кивнул и, спрятав деньги в задний карман джинсов, зашагал к последнему фургону. Когда он проходил мимо окна Лидии, у него на шее, под левым ухом, она заметила небольшую простенькую татуировку в виде мачете. Так и есть: то были ребята Хавьера, «Лос-Хардинерос». Через мгновение все девочки в салоне разом выдохнули, но только не Лидия. Она позволила себе мельком взглянуть на обращенное кверху лицо сына. Его глаза теперь были закрыты, и женщина прикрыла свои тоже, ощутив сдержанное облегчение. В висках у нее стучало.

– *Everybody good?*⁴⁰ – спросил Карлос, обернувшись, чтобы посмотреть каждой девочке в лицо.

Те захихикали, отвечая невпопад. Лидия лишь кивнула и уронила руку на колени. Кажется, прошло очень много времени, прежде чем парень с автоматом наконец покончил с расспросами у водительского окна последнего фургона. Проходя мимо, он взмахнул рукой, а потом присоединился к своему товарищу в начале очереди. Ребята наконец выпустили из рук автоматы и закинули их за спину, чтобы оттащить в сторону большое бревно, преграждавшее машинам дорогу. Они освободили ровно столько места, чтобы вереница церковных фургонов смогла проехать.

Полчаса спустя они въехали на Мескальский мост через реку Бальсас, и тогда все девочки разом ахнули и направили объективы фотокамер на роскошные зеленые каньоны за окном. Когда Лука выбрался из своего укрытия и угнездился под боком Лидии, та наконец-то снова обрела способность дышать.

---

³⁹ Будь осторожен, и благослови тебя Господь (*исп.*).

⁴⁰ У всех все в порядке? (*англ.*)

10

Лука и Лидия продержались достаточно, чтобы увидеть залитые солнечным светом улицы и удушающую пестроту Мехико. Серьезное достижение. Теперь от верной гибели их отделяло четыре дня и 236 миль. Но Лидия знала: дело не только в расстоянии. В обезличенной столице перед ними открывался узенький проход в будущее. Отсюда можно было ощутить некоторую надежду; может, у них и правда получится исчезнуть. Лидия твердо решила, что наименее болезненный вариант – лететь на самолете. Нечто похожее на суеверие помешало ей выбрать пункт назначения, однако она изучила все города на северной границе Мексики и составила список возможных направлений. С запада на восток: Тихуана, Мехикали, Ногалес, Сьюдад-Хуарес, Нуэво-Ларедо. Подойдет любой из этих аэропортов – каждый может стать заветной дверью в убежище – незаметной, как вход с заднего крыльца, но надежной. В эти города ветер доносит с севера запах свежих пирогов, остывающих на подоконниках.

Карлос распахнул заднюю дверь фургона, и девочки с косичками и набитыми рюкзаками высыпали на яркий асфальт; Лидия с сыном вышли следом. Карлос схватил ее за руки и горячо прошептал ей на ухо: «Он все еще с вами. Я это чувствую. Он присмотрит за тобой и твоим сыном. Все будет хорошо».

Лидия завидовала его уверенности. Они обнялись без слез, что заставило шокированных девочек с косичками и их товарищью мальчиков поспешно отвернуться. Мередит стояла рядом с Лукой и неловко пыталась подтянуть лямки его рюкзака, но тот уворачивался. Наконец Карлос разомкнул объятия, и Мередит шагнула к Лидии, протягивая к ней руки. Однако теплые чувства, которые женщины питали друг к другу, – главным образом благодаря дружбе их мужей – теперь улетучились. Тем не менее Лидия испытывала искреннюю благодарность. Она заглянула Мередит в глаза.

– Я знаю, как непросто тебе пришлось, – сказала она. – Подвергать всех такому риску. Ради нас. – Мередит покачала головой, но особенно возражать не пыталась. – Я очень тебе благодарна, – продолжала Лидия. – Ты спасла нам жизнь. Спасибо.

– Идите с Богом, – ответила Мередит.

Сбившись в стайки, дети обменивались впечатлениями от блокпоста. Продолжать разговор на фоне их шумной болтовни не имело смысла, и женщины с облегчением разошлись. Автоматические двери аэропорта с грохотом разъехались, и первая группа подростков неспешно шагнула внутрь. Пока Карлос и Мередит прощались с пастором и его женой, Лидия и Лука, шагнув под тенистый навес, направились к остановке трамвая, который шел к терминалу внутренних рейсов.

Никогда прежде Лука не ездил на трамвае. Он пытался не проявлять излишнего интереса, но все это выглядело до того удивительно: обтекаемая стеклянная штука подплывала к платформе и выгружала людей на платформу. Стиснув руку Мами, он отступил от прохода; мимо них торопливо протискивались пассажиры, волоча за собой багаж. Когда Мами потащила его через узкий проем между неподвижной платформой и подвижным трамваем, Лука уставился себе на ноги. Мами с легкостью подхватила его, и вот они уже стояли внутри, в первом вагоне. Ну как тут не прижаться лбом к выгнутому стеклу? Любый ребенок ощутил бы такой же восторг в груди, глядя, как из-под него стремительно уносятся трамвайные пути. Все равно что прокатиться на американских горках, бесшумно скользя мимо верениц машин и автобусов, такси и уличных фонарей, мимо взлетной полосы, усыпанной точками самолетиков, мимо грузовиков с чудными лестницами на кузовах. Перед трамваем спикировал огромный самолет, и мальчик ахнул и отпрянул от окна.

– Мами! – воскликнул он.

Это было первое слово, которое он вымолвил за целых три дня, и Лука тут же о нем пожалел: как недвусмысленно, с какой постыдной веселостью оно прозвучало! В ответ Мами улыбнулась, но то была не обычная улыбка. Лука ни за что бы не перепутал ее с выражением подлинной радости. Так почему он не страдает так же, как она? Что же с ним не так, если он ведет себя так обыденно? Мами взлохматила волосы на его макушке, и Лука снова прильнул к стеклу. Он наблюдал, как трамвай заглывает рельсы, лежащие на земле.

В терминале работал кондиционер, и его механический гул словно бы подсвечивал все остальные звуки: маленькая девочка шла с мамой за руку и волочила за собой на поводке чемодан в форме собаки; какой-то мужчина кричал в мобильный телефон на гортанном, незнакомом языке; молодая женщина цокала по плитке сердитыми каблуками. В воздухе стояли запахи цитруса и фреона. Лука проследовал за матерью к небольшой будочке с экраном и стал смотреть, как она вбивает что-то в поиск. Потом он решил, что ему, наверное, стоит смотреть не на Мами, а на людей вокруг – чтобы убедиться, что никто за ними не следил. Развернувшись, он окинул взглядом помещение; никто не обращал на них внимания, кроме той маленькой девочки с чемоданом в форме собаки. Она стояла с мамой в очереди – а точнее, сидела на спине своего чемодана. Всякий раз, когда ее мама продвигалась вперед, девочка, не вставая, отталкивалась ногами от пола и подъезжала следом. Хотелось бы Луке иметь такой же чемодан.

– Здесь у нас ничего не получится. – Мами прервала его размышления. – Эта машина не дает купить билеты на тот же день. Пойдем в очередь.

Подхватив с пола рюкзак, она устремилась к одному из окон, и Лука последовал за ней. Он обрадовался, что теперь сможет получше разглядеть собаку-чемодан, у которого, как теперь стало видно, были также уши и пушистый хвост.

Заметив восхищение Луки, девочка улыбнулась. Лет ей было примерно столько же, может, на год меньше.

– Погладь, если хочешь, – сказала она. – Он не кусается!

Лука попятился назад и спрятался за Мами. Через мгновение, однако, он все-таки протянул руку и потрогал пальцами кончик собачьего хвоста. Девочка рассмеялась, а ее мама сказала: «Пошли, Найя». Помахав Луке, девочка оттолкнулась от пола кроссовками и всю дорогу до стойки с билетами проехала на спине своего чемодана.

Подошла очередь Луки и Мами, и вот они уже стояли перед девушкой в синем костюме и красном шелковом платке. Ее круглое лицо повторялось на бейджике, висевшем у нее на шее. Девушка улыбнулась Луке:

– Ну здравствуй, маленький путешественник! В первый раз летишь?

Мальчик взглянул на Мами. Та кивнула, и тогда он тоже кивнул. Полет! Неужели они правда полетят? Лука сомневался, что ему хочется куда-то лететь, а может, на самом деле ему очень хотелось. Трудно было сказать наверняка.

– Мы внезапно решили съездить отдохнуть немного, – объяснила Мами кассирше.

– Хорошо. Куда? – та занесла руки над клавиатурой.

– Мы думали, в Нуэво-Ларедо.

Девушка принялась стучать по клавиатуре с космической скоростью. Не может быть, чтобы она правда так быстро печатала, подумал Лука. Наверняка притворяется. Тут девушка нахмурилась.

– До пятницы рейсов нет. Вы бы хотели улететь сегодня?

– Да. – Мами облокотилась на билетную стойку. – Как насчет Сюадад-Хуареса?

Щелк-щелк-щелк.

– Да, это возможно. Есть рейс сегодня в три часа дня, с остановкой в Гвадалахаре. В Хуарес самолет прибывает вечером, в 19:04.

Мами закусила губу.

– А прямых рейсов нет?

Щелк-щелк.

– Есть прямой рейс завтра утром, в 11:10.

Мами покачала головой:

– Ладно, давайте попробуем Тихуану.

На этот раз щелканье клавиатуры почти не было слышно за щебетанием кассирши. Она даже не смотрела на экран или на кнопки. Ее руки двигались сами по себе, словно два животных. Повернув свое круглое лицо к Мами, девушка сказала:

– Милый городок. Вы там бывали?

Мами мотнула головой.

– Я раньше много летала. Работала стюардессой, пока не родила малышкой. У нас был рейс в Тихуану, и время от времени мы оставались там на ночь. – Подмигнув Луке, девушка добавила: – Надеюсь, тебе нравятся вечеринки!

Мальчик вонзил ногти себе в ладони, чтобы не думать о вечеринках, а кассирша снова обратила круглое лицо и круглые глаза в монитор.

– Есть прямой рейс в Тихуану, в 15:27. На месте вы будете в 17:13. У них там разница во времени, минус два часа.

– Отлично. – Мами кивнула. – Два места найдется?

– Конечно. А когда вы хотели бы вернуться?

Лидия опустила глаза на свои золотые кроссовки и мозаичный пол. Лука не понимал, почему она сомневается, а тем временем его мать уже проигрывала в голове сценарий катастрофы. У них было ровно 226 243 песо – она знала это потому, что пересчитала свои сбережения, закрывшись в ванной дома у Карлоса. Они уже потратили больше восьми тысяч песо на отель, необходимые вещи и билеты на автобус. У Лидии также имелась банковская карточка матери, которую она боялась использовать. *Abuela* держала сберегательный счет, но те деньги им еще пригодятся. На границе им придется заплатить проводнику – койоту, и, если им повезет, после этого останется небольшая сумма, которая позволит им продержаться какое-то время. Они едва ли могли позволить себе разбрасываться деньгами на обратные билеты, которые не собираются использовать. Но, с другой стороны, рассказывать этой дружелюбной женщине, этой незнакомке и потенциальной *halcón*⁴¹, что они с сыном летят в один конец, – тоже непозволительная роскошь. Лука сжал руку матери.

– Вернуться мы хотели бы на следующей неделе, в тот же день, – сказала она.

– Очень хорошо! – жизнерадостно отозвалась женщина, однако Лука забеспокоился, потому что ее улыбка немного поблекла.

– Я смогу оформить для вас обратный билет на... давайте посмотрим... на 12:55 по местному времени. Сюда вы прилетите в 18:28, без пересадок.

– Да, очень хорошо. – Мами кивнула. – А сколько стоит?

Поправив свой красный платок, женщина прокрутила мышкой страницу. У нее были квадратные ногти, выкрашенные лаком цвета асфальта. Женщина коснулась ими экрана, и раздался легкий щелчок.

– Три тысячи шестьсот десять песо за каждый билет, – объявила она.

Мами снова кивнула и, скинув с плеча рюкзак, поставила его на колено. Пока женщина стучала по клавиатуре, Лидия достала из бокового кармана свой кошелек.

– Ничего, если наличными?

– Да, конечно. Но мне потребуется ваше удостоверение с фотографией.

Мами распределила деньги по разным местам и в кошельке держала порядка десяти тысяч песо. Лука наблюдал, как она отсчитывает купюры: семь розовых, две оранжевые и одну голубую. Она выложила пачку банкнот на стойку, и женщина принялась их пересчитывать.

---

⁴¹ Зд.: шпионка (*исп.*).

Пошарив в складке кошелька, Лидия достала удостоверение избирателя и с легким щелчком опустила на стойку. Кассирша отложила деньги в сторону и принялась разглядывать карточку. Она держала ее в одной руке, а второй вбивала информацию в компьютер.

– Спасибо. – Она вернула карточку Мами, а потом с улыбкой взглянула на Луку: – А как насчет тебя? Ты захватил с собой удостоверение избирателя?

Мальчик замотал головой. Очевидно, что голосовать ему еще нельзя. Тогда женщина снова взглянула на Мами:

– Мне потребуется свидетельство о рождении или какой-то другой документ, подтверждающий вашу опеку.

– Над моим сыном?

– Да.

Мами покачала головой; кожа вокруг ее глаз неожиданно порозовела. Луке показалось, что она вот-вот расплачется.

– У меня ничего такого нет, – сказала она.

– Ох. – Женщина схлопнула руки и откинулась на стуле. – Боюсь, без этого он полететь не сможет.

– Но вы ведь сможете сделать для нас исключение? Вы же видите, что он мой сын.

Лука кивнул.

– Мне очень жаль, – ответила кассирша. – Но это не наше внутреннее правило, это закон. В любой другой авиакомпании вам скажут то же самое.

Она аккуратно сложила разноцветные купюры в стопку и протянула Мами, но та не стала их брать. Тогда женщина оставила деньги на стойке.

– Пожалуйста. – Мами понизила голос и наклонилась к кассирше. – Пожалуйста, мы в отчаянии. Нам нужно уехать из города. Это наш единственный выход. Пожалуйста.

– Мне очень жаль, сеньора. К сожалению, я ничем не могу вам помочь. Обратитесь в центральный ЗАГС и запросите копию свидетельства о рождении, иначе ваш сын не сможет лететь. Я тут просто бессильна. Даже если я продам вам билет, вас не пропустит служба безопасности.

Мами схватила деньги и засунула их в задний карман джинсов вместе со своим удостоверением. Ее лицо по-прежнему меняло цвета и теперь казалось совсем белым, обескровленным.

– Мне очень жаль, – снова повторила женщина, когда Мами уже развернулась, собираясь уходить.

Лука последовал за ней, не спрашивая, куда они идут; вскоре мать с сыном спустились в метро. Когда они вышли на станции «Исабель Ла Католика», мальчика охватили еще более противоречивые чувства. Поездка в Мехико – это настоящее приключение. Все в этом городе было не так, как в Акапулько, и Лука изо всех сил старался ничего не упустить: бьющиеся на ветру флаги, фруктовые лавочки, колониальные здания в стиле барокко, стоявшие плечом к плечу со своими современными угловатыми соседями. С железных кованых балконов струилась музыка, торговцы предлагали прохожим блестящие банки прохладительных напитков, и повсюду их окружало искусство. Стенные росписи, картины, скульптуры, граффити. На углу одной улицы стояла разноцветная статуя высокого Христа – так подумал про нее Лука, потому что она была мелковата для статуи, но очень высока по человеческим меркам, – одетого в ярко-зеленый хитон, один край которого беспечно свисал с его руки. Под этим наплывом сенсорных раздражителей Лука сумел на время подавить чувство вины. Он шагал за Мами с приоткрытым ртом, жадно втягивая в себя виды города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.